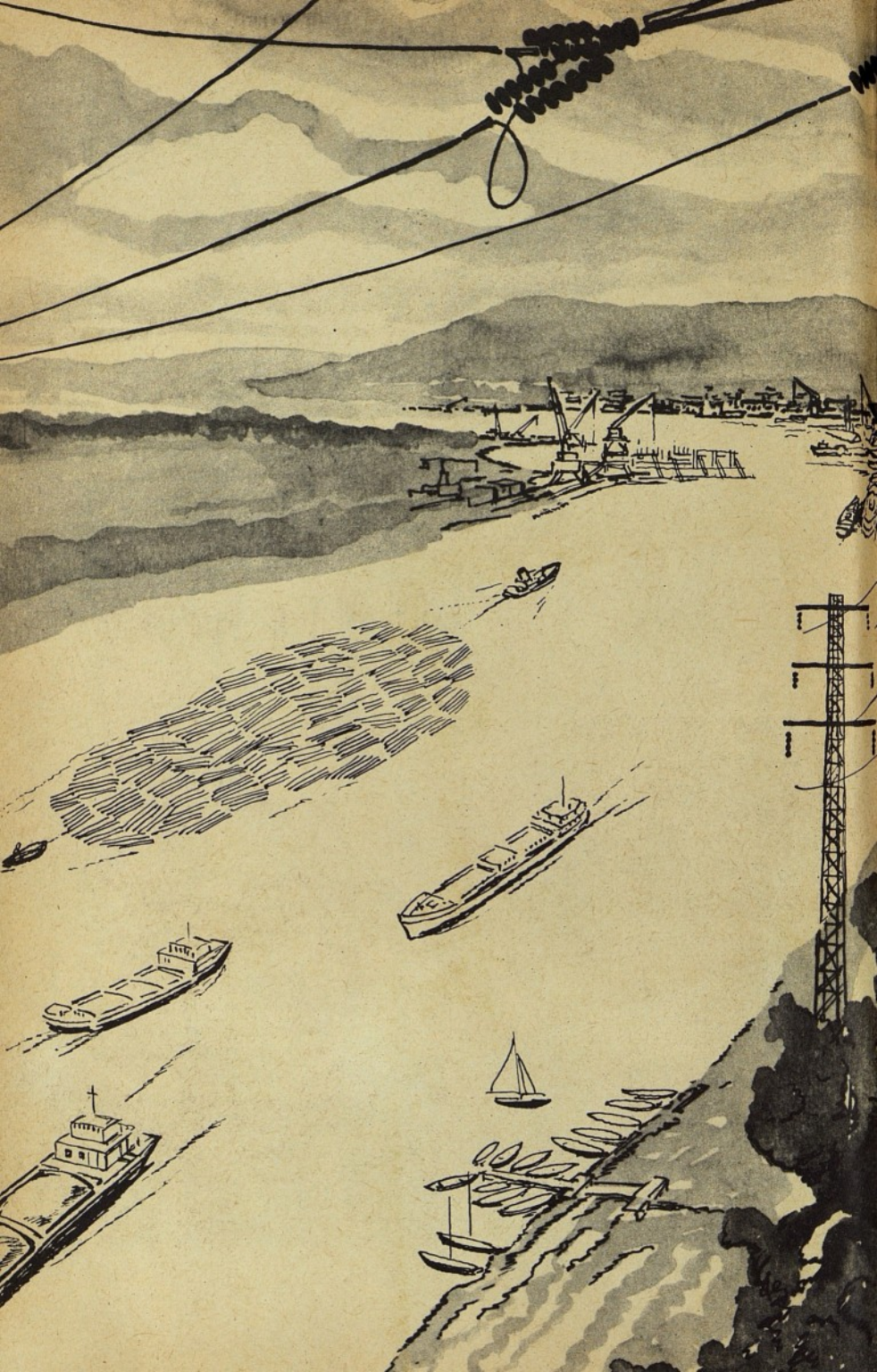
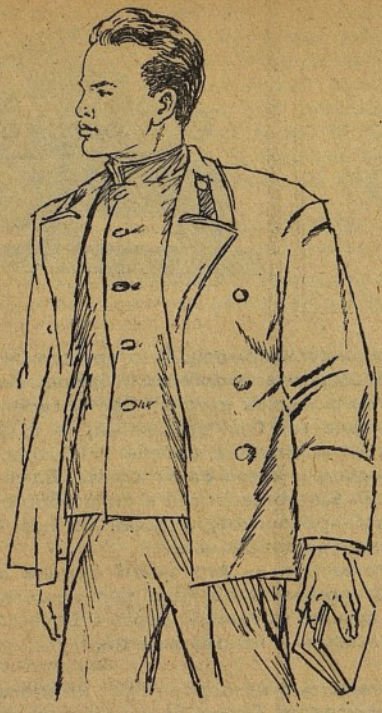
Ж 05
И 86

Искорка





№ 10

Искорка

ЕЖЕМЕСЯЧНИК газеты «Ленинские искры» — орган Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ, Ленинградского Совета пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ ● 1969

год издания XIII

Рис. П. Вискова

ОН ПОВЕРИЛ В РОССИЮ

Росы капают с веток,
Звёзды капают вслед,
Волга верит рассвету,
И приходит рассвет.

И уходят туманы,
Зорька в небе горит,
И Владимир Ульянов
Возле Волги стоит.

Видит он через дали
Цвет рассветов иных...
Люди даже не знали,
Кем он станет для них.

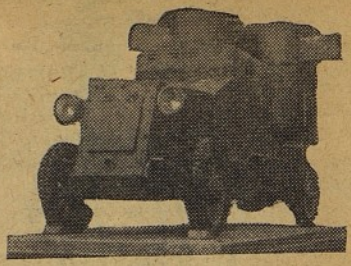
Под разливистой синью,
Где весны торжество,
Он поверил в Россию,
А Россия — в него!

С. МАКАРОВ,
Г. СУПРУНЕНКО

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА
Читальный г. Саратов

Н. ТЕРЕБИНСКАЯ

Водитель ленинского броневика



РАССКАЗЫВАЮТ: жил-был красноармеец. Всю гражданскую войну он сражался на бронированном автомобиле. А когда пришло время домой собираться, положил в мешок кусочек брони своей машины. На память. Потому что броневик тот был особенный, — с крыши его башни Ленин держал речь в Петрограде. В апреле 1917 года.

Вернулся боец на свой завод и начал сталь варить. Едва забурлил жидкий металл, боец и бросил в него заветный кусочек брони.

Получилась сталь крепкой-прекрепкой, а танки из неё — самые прочные, самые сильные, самые непобедимые.

Было ли это в действительности — кто знает? Вернее всего, это легенда. Красивая легенда. И понимать её надо так: наши вооружённые силы бережно хранят лучшие традиции первых боевых отрядов Октября, и это делает их сильными и непобедимыми.

ЛЕНИНСКИЙ броневик с надписью на борту «Враг капитала» можно увидеть и теперь в Ленинграде. Давно безмолвствует его мотор и недвижима башня. Броневик установлен на каменном постаменте у здания музея В. И. Ленина. А на площади у Финляндского вокзала, где Владимир Ильич произнёс речь с броневика, высится памятник.

Скульптор изобразил вождя таким, каким видел его народ в тот знаменательный апрельский вечер: на башне броневика, в пальто нараспашку, с рукой, устремлённой вперёд.

УТРОМ 3 апреля 1917 года броневик приехал охранять штаб питерских большевиков — дворец Кшесинской. Там размещались тогда Петроградский и Центральный комитеты РСДРП.

И вдруг известие: поздно вечером возвращается из-за границы Ленин. Надо подготовиться к встрече.

Дежурный по штабу Н. И. Подвойский — председатель Военной организации большевиков — распорядился: две бронированные, легковую и грузовую машины вывести на вокзал. Пусть Ленин посмотрит, какой силой располагают петроградские большевики. Машины вымыли, тщательно протёрли, проверили моторы, исправность сигнала и фар-прожекторов.

Но вот задача — где достать бензин? Третье апреля — день праздничный, второй день пасхи. Склад опечатан. И всё же раздобыли, — по всем мастерским чуть ли не по каплям собрали. И ещё осложнение: как вывести машины? Караул без приказа начальника мастерских не выпустит их. Но начальника нет на месте, да и просить его бесполезно, — он верой и правдой служит Временному правительству.

Выручил комендант дворца — большевик Г. В. Елин. Легковая машина, заявил он охране, подаётся начальнику мастерских, а грузовая и оба броневика выходят на испытания.

Так небольшой боевой отряд двинулся к Финляндскому вокзалу.

Зажатые со всех сторон бурлящим людским потоком машины с трудом пробирались по улицам Петрограда.

«Вдруг, пронизывая гущу людей длинными лучами своих фар, — вспоминает Н. И. Подвойский, — на площадь, покачиваясь на ходу, медленно въезжают один за другим два броневика».

Обе машины — грозное оружие тех времён — развернулись и, как два закованных в железо часовых, заняли место по обе стороны главного входа в вокзал.

В одиннадцать часов вечера послышался паровозный гудок. Потом по площади пронеслись мощные раскаты «ура!». Ленин приехал!

В дверях вокзала появился Владимир Ильич. Шапки, картузы, кепки, шляпы — всё полетело вверх. Загремели приветственные возгласы, песни.

Владимир Ильич осмотрелся, направился к легковой машине. Но как с её сиденья обратиться с речью к питерцам? Отсюда не видно всех, кто пришёл на площадь. И тут десятки рук протянулись к Ленину, бережно поставили его на капот броневика. А потом солдат из команды помог Ильичу подняться на площадку пулемётной башни.

— Лучшей трибуны нельзя и придумать, — улыбнулся Владимир Ильич и шутливо добавил: — С неё виден весь свет...

И верно, он видел теперь множество лиц, устремлённых к нему. И его, освещённого лучами прожекторов, хорошо видели все собравшиеся.

Площадь замерла. Заговорил Ленин. Он приветствовал революционный пролетариат Петрограда...

— Да здравствует социалистическая революция! — прозвучали слова над площадью.

Теперь пора в путь, к дворцу Кшесинской. И тут Ленин спросил: «Нельзя ли броневик превратить в подвижную трибуну?»

И когда услышал в ответ: «Можно, хотя и рискованно», обрадовался:

— Вот и отлично, тогда тронемся в путь.

Ленину посоветовали спуститься на площадку броневика и держаться за пулемётные щитки.

Бронированная трибуна двинулась.

Дорога пролегала по Нижегородской и Боткинской улицам, по Сампсониевскому и Финляндскому проспектам, Петроградской набережной и Большой Дворянской улице к дворцу Кшесинской.

Водитель броневика рассказывал потом: «Дорога от вокзала до дворца хоть и была не очень длинной, версты три не больше, но ехать пришлось долго: двигались мы медленно, так как народу было видимо-невидимо. В пути я несколько раз останавливал машину, — в это время Ленин выступал с броневика».

Прощаясь у дворца, Владимир Ильич пожал водителю руку и сказал:

— Спасибо, товарищ! Никогда ещё с таким комфортом не ездил по Питеру!

КТО ЖЕ он, водитель того ленинского броневика?

Его зовут Мирон Сергеевич Оганьян. Теперь он пенсионер и живёт далеко от Ленинграда, в Казахстане, в селе Сары-Агач. А в 1917 году он — молодой солдат из бронедивизиона, успевший побывать на фронте, откуда незадолго до Февральской революции вернулся раненным и контуженным.

В госпитале Оганьян узнал правду о большевиках и большевистском вожде Ленине. Потом выздоровел и стал служить в броневых частях. В мастерской автобронедивизиона познакомился с большевиком Елиным. Это и решило судьбу молодого водителя.

Позже уже, в холодную октябрьскую ночь, Оганьян пулемётным огнём своего броневика прикрывал штурмующих рабочих, солдат и матросов на площади у Зимнего дворца.

Затем началась пора горячих схваток и боёв на фронтах гражданской войны. Броневик «Враг капитала» отбивал атаки у Пулковских высот, участвовал в подавлении корниловского мятежа. И ещё во многих боях броневик Мирона Сергеевича отражал натиск врагов.

На полях сражений появляются танки. Оганьян к этому времени заканчивает высшую броневую школу, становится комиссаром совета Центробронь. Демобилизовавшись, он продолжает учить будущих военных водителей и механиков.

Особенно много водителей танков надо было обучать во время Великой Отечественной войны.

Мирон Сергеевич даже переселился в классы, чтобы экономить силы, а их в дни блокады Ленинграда становилось всё меньше и меньше. Здоровяк от природы, Мирон Сергеевич уже ходил с палкой, — сказывались и голод и напряжение.

Однажды ученики, войдя в класс, увидели своего учителя лежащим без сознания на полу. Оганьяна срочно эвакуировали под Вологду. Здесь он поправился. Просил, требовал отправить его на фронт. Но его послали в Среднюю Азию, чтобы там он продолжал готовить танкистов и автомобилистов для фронта.

В МАЛЕНЬКОМ домике в Сары-Агач у Мирона Сергеевича на этажерке стоит модель ленинского броневика. Нередко сюда забегают школьники и просят рассказать про Ленина. И каждому нужно знать: какой был тогда Владимир Ильич?

На такие вопросы Мирон Сергеевич затрудняется отвечать. Тогда он просто чувствовал, что везёт Ленина, что рядом Ленин.

Рис. П. Вискова

Слова под микроскопом

— ТАК!..— сказал поэт, подцепляя тоненьким пинцетиком слово.— Пожалуйте, уважаемое, под микроскоп!

...Слово под микроскоп?! Да что там рассматривать? Цвет чернил? Качество бумаги?

Не спешите! Не спешите с выводами. Слово, конечно, не инфузория, не бактерия, не микроорганизм, но если к слову присмотреться повнимательней, то и в нём можно найти много-много интересного.

И когда поэт Александр Александрович Шибаев приносит к нам в редакцию свои стихи, коротенькие рассказы или просто отдельную фразу — всегда есть чему удивиться. Вот ведь — опять отыскал! В таком знакомом слове — и на́ тебе! Целое открытие!

Очевидно, многие из вас читали его книжки: «Буква заблудилась», «Озорные буквы», «Что за шутки!». Если не читали — обязательно возьмите их в библиотеке.

И поиски не закончены! Поэт продолжает свой увлекательный труд. Не так давно он снова пришёл к нам в редакцию и спросил:

— Вы знаете, что такое палиндромы? Ну как же так!.. Они известны с очень далёких времён. Палиндромы — это «перевертни». Хочешь — слева направо читай, хочешь — наоборот. Получится одно и то же. Вспомните-ка слова: «боб», «дед», «казак», «потоп»... А вот найти бы целую фразу!.. Или составить две-три фразы, объединённые общим смыслом (многочленные палиндромы)!..

Александр Александрович ищет. И пишет весёлые рассказы. И посвящает занятные стихи своим друзьям — буквам, запятым, точкам...

Вот — почитайте сами.

А. ШИБАЕВ

Рисунки А. Курушина

Палиндромы

●

— Медик, идем
искать такси.

●

Тени нет,
театр тает.

●

Максим — к мискам.
Вижу — жив!
Лакал — плакал.

●

Ане — Лена:
— Соли силос.
Ишаку каши
и сено неси.

●

Бел хлеб,
Но ты меньше ешь,
не мыт он.
На работе-то — баран!

●

Откусили сук-то?
Или липу пилили?

●

— Я не с лешими шел,
Сеня.
— Я не Сеня.
Я — дядя.

●

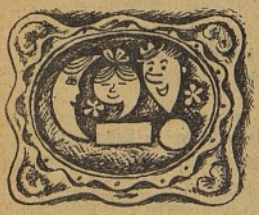
Меч — в чем?
Надо меч — в чемодан.

●

Буква — в куб.

ТОЧКА, ТОЧКА, ЗАПЯТАЯ...

Точки, палочки,
крючки —
неприметные значки,
а во время чтения —
требуют почтения!

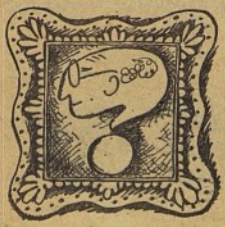


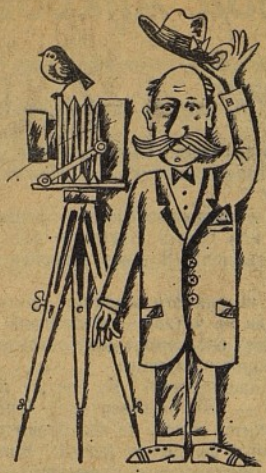
ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Бурным чувствам
нет конца:
пылкий нрав
у молодца!

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

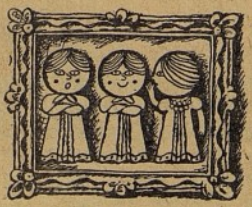
Вечно думая
над смыслом,
изогнулся
коромыслом.





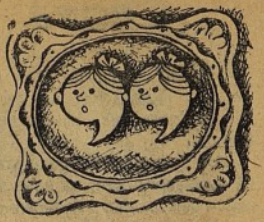
МНОГОТОЧИЕ

Стоят
три кумушки
рядком,
ведут беседу,
но — тайком,
какими-то
далёкими,
туманными
намёками...



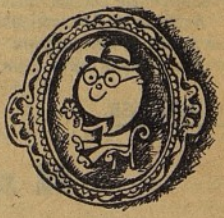
ДВОЕТОЧИЕ

Двоеточие
глазастое
ходит,
знаниями
хвастая:
так и хочется
ему
разъяснить нам,
что к чему...



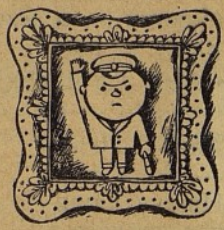
КАВЫЧКИ

Всегда
подслушать
норовят
то,
что другие
говорят.



ЗАПЯТАЯ

Выйдет
на дорожку —
всем
подставит
ножку!



ТОЧКА

Загораживает
путь,
предлагает
отдохнуть.

Несуразные вещи

— Здравствуй!

— Привет!

— Что это ты несёшь?

— Несу разные вещи.

— Несуразные?! Почему они несуразные-то?

— Сам ты несуразный, как я погляжу. Разные вещи я несу. Разные! Понял? Вот, несу мел...

— Что не сумел?

— Отстань.

— Да ведь ты говоришь: «не сумел». Что не сумел-то?

— Мел несу!!! Слушать надо. Несу мел. Мишке. Ему же надо будет...

— Ну, если ему жена добудет, так зачем ты несёшь?

— Какая жена? Это у Мишки-то жена?! Ах ты, шутник. Я сказал: «ему же надо будет». Понадобится, значит.

— Вон оно что...

— А ещё новость у меня для Мишки приятная: нашлась та марка, которую он давно ищет.

— Тамарка?

— Ага.

— И — ничего, симпатичная?

— Красивая! Зелёная такая...

— То есть как?

— Зелёного цвета.

— Постой, постой... Это что же: у нее... волосы, что ли, зелёные?

— У кого — волосы?

— Да у Тамарки-то.

— Что-о?!

— Ну ты же сам сказал: «нашлась Тамарка...»

— Та! Марка! Марка, понимаешь? Та самая, которую Мишка давно ищет. Понял? Зелёная такая... Там арка нарисована.

— Ага, всё-таки нарисована Тамарка! На марке, значит, Тамарка нарисована, да? Та́к бы и говорил.

— Да отвяжись ты со своей Тамаркой, бестолковая голова! Там арка нарисована! Арка!!! Неужели ты даже этого не можешь понять? Прощай, некогда мне.

— Пока. Смотри, не растеряй свои несуразные вещи.

— А ну тебя...

— Да! Стой, стой!

— Ну, что ещё?

— Привет передавай.

— Кому?

— Известно кому: Тамарке, Мишке и Мишкиной жене!

15

За обедом Зика сказала:

— А у нас послепослезавтра родительское собрание.

— Интересно, чем порадуют нас наши дети, — сказал папа.

Я сказал:

— При чём здесь «дети»? У меня в классе никакого собрания не будет, у нас же с Зикой разные классы.

Я просто так сказал, чтобы возразить. Ясно было, что они и сами понимают, что раз классы разные, собрания в один и тот же день быть не могут. И при чём тут «дети»? И дураку понятно, что речь идёт обо мне, дескать, интересно, как там у него с успеваемостью, потому что с Зикиной успеваемостью, конечно же, ничего стрястись не могло.

Продолжение. Начало в „Искорке" № 8 за 1969 г.

Терпеть не могу, когда так вот туманно выражаются, тем более что про все мои отметки я и так им сказал, не буду же я врать в конце концов.

Не знаю, может быть, маме мой голос показался ненормальным, но она сказала очень нежно:

— Ну и слава богу, что собрания в разные дни, как бы я попала и на то и на другое. папа ведь не пошёл бы, а, папа?

Папа сказал:

— Само собой. Какие уж тут собрания, когда башка кругом идёт из-за того, что эта установка не получается, будь она неладна.

Вдруг Зика говорит (я даже разволновался от этого, а потом ещё больше оттого, что понял, что разволновался, а я ведь совсем ничего подобного не ожидал), вдруг она и говорит:

— А тебе привет от Томы.

— Какой ещё Томы? — сморозил я явную глупость, красный я был — ужас.

— Очень славная девочка, — сказала мама. — А где эта вторая славная девочка? Ну та, которая была у тебя на дне рождения, а потом приходила с домашними заданиями, когда ты болел.

— Рыбкина? — сказал я. — Что значит «где». Нигде — жива-здорова.

— А почему она не приходит? Разве вы не дружите? Когда люди дружат, они всегда ходят друг к другу в гости. Так дружите вы или нет?

— Отчего же, — сказал я. — Дружим. — Я всё ещё нервничал оттого, что, когда Зика сказала про Тому, я разволновался. Чего это я вдруг разволновался?

А мама вдруг начала про Рыбкину: какая она симпатичная, и как себя вела на дне рождения, и как славно была одета, и как часто и аккуратно приносила мне домашние задания, когда я болел.

— Жаль только, что она так мало каждый раз сидела у тебя. Прибежит и убежит. Жаль.

— Да ты пойми, — сказал я. Я-то думал, что теперь она не будет ко мне приставать с моими друзьями. — Ты пойми: у неё у самой дел полно: уроки, шить, по хозяйству...

— Это-то понятно, но вот уроки она могла бы делать у тебя или ты у неё.

И пошло-поехало. И как ей жаль, что, кажется, мы не так уж и дружим, и где вообще мои друзья, особенно — где же Рыбкина, и какая она прелесть, такой прелести там, в Сибири, пожалуй, и не было, и кто её родители, наверное, симпатичные люди, раз у них такая дочка...

Я даже напугался, потому что, когда я не хочу видеть человека (а Рыбкину я не имел желания видеть, хотя я к ней относился абсолютно нормально) и об этом человеке много говорят, я его обязательно встречу. Не в школе, конечно, а в самом неожиданном месте.

Вообще у меня беда с совпадениями. Не то чтобы каж-

дый день у меня совпадали самые невероятные вещи, нет, но иногда такое бывает совпадение, что лучше и не надо.

После обеда я с полчаса ломал себе голову: ехать мне в зоосад или не ехать. Я бы и раньше мог поехать, но у меня не было бинокля. Вернее, он был, у папы, но мы, когда уезжали из Сибири, не смогли взять все вещи сразу, слишком уж их было много, и вот теперь по железной дороге папины друзья прислали последний ящик, где и был восьмикратный полевой бинокль. Наверное, можно было пойти в зоосад и без бинокля, я бы так и сделал, но однажды в трамвае я услышал, как какая-то девчонка сказала другой, что в зоосаде сейчас народу больше всего у клеток с редкими малюсенькими обезьянками. Они, сказала эта девчонка, до того маленькие, что их почти и не видно, только из первого ряда, если стоишь у самой клетки. Я тогда же сообразил, что, раз их невооружённым глазом не видно, надо идти с биноклем, — не буду же я в конце концов толкаться и лезть вперёд, я этого терпеть не могу.

В общем, бинокль теперь у меня был, но я засомневался, идти мне в зоосад или не идти, — всё из-за Рыбкиной. Конечно, на сто процентов я не мог быть уверен в том, что её встречу, но, с другой стороны, слишком уж много мама о ней говорила: получалось так, что не встретить её я уже не мог.

И всё-таки я пошёл.

Погода была паршивая, опять сильный ветер, хотя и не такой холодный, как когда я заболел. И вдруг темновато стало, откуда-то взялись тучи. В зоосад идти — погода была самая неподходящая. Но я ехал и ехал на трамвае, пока не добрался до Невского. Там я стал расспрашивать людей, какой номер трамвая или автобуса идёт к зоосаду, мне показали, где садиться, я пошёл вдоль Невского и тут же увидел впереди целую цепочку наших: Надьку Купчик, Галку Чижову, Александрову-Пантер, Пумку и — само собой! — Рыбкину.

Нет, волны есть, какие-то волны всё-таки существуют, какие-нибудь «радио» или, может, молекулярные, иначе, как бы я мог встретить Рыбкину? И не у дома, не в своём районе, а за сто километров. И дело здесь, может быть, вовсе не в том, что мама целый час про неё говорила, а в том, что я сам настойчиво думал про эту встречу: то ли Рыбкину притянуло сюда магнитно там какие-нибудь молекулярные волны, то ли я сам притянулся.

Вдруг все девчонки свернули в кафе-мороженое, осталась почему-то одна Рыбкина (а она ведь ни разу не обернулась, пока я шёл за ними, и не видела меня), она помахала им рукой, пошла обратно и тут-то мы с ней и столкнулись нос к носу.

— Здравствуй, — сказала она. — О, бинокль!

— Чего же ты не пошла с

ними в «мороженое»? — спросил я.

— А ты что, следил?

— Глупости, — сказал я. — Просто шёл сзади. Обычное совпадение.

Старая история. Я вдруг опять почувствовал, что я чем-то виноват перед ней, а раз так, то я уже был сам не свой. Всегда в таких случаях я начинаю делать не то. Можно было сказать: ну, пока, я тороплюсь, или извини, у меня дела, — всё было бы верно, ведь не хотел же я с ней встречаться, но я уже так не мог, хотя и понимал, как именно и что нужно сказать. И всё из-за своей вины. А какой вины — я и сказать не мог.

— Ты куда? — спросил я.

— Видишь ли... у меня дела, — сказала она.

«Вот, — подумал я, — очень удобный момент». Но что я подумал — уже не имело никакого значения.

— Поехали со мной, — сказал я.

— А куда? — быстро спросила она.

— Да я не знаю, куда-нибудь. Я вообще-то ехал в зоосад, но видишь, какая темень, там сейчас вряд ли интересно. А вот на стадион Кирова поехать вполне можно, там залив, мне сказали, а сейчас ветер и тучи, там, наверное, очень красиво.

— Поехали, — согласилась она. Мигом согласилась, про все дела позабыла.

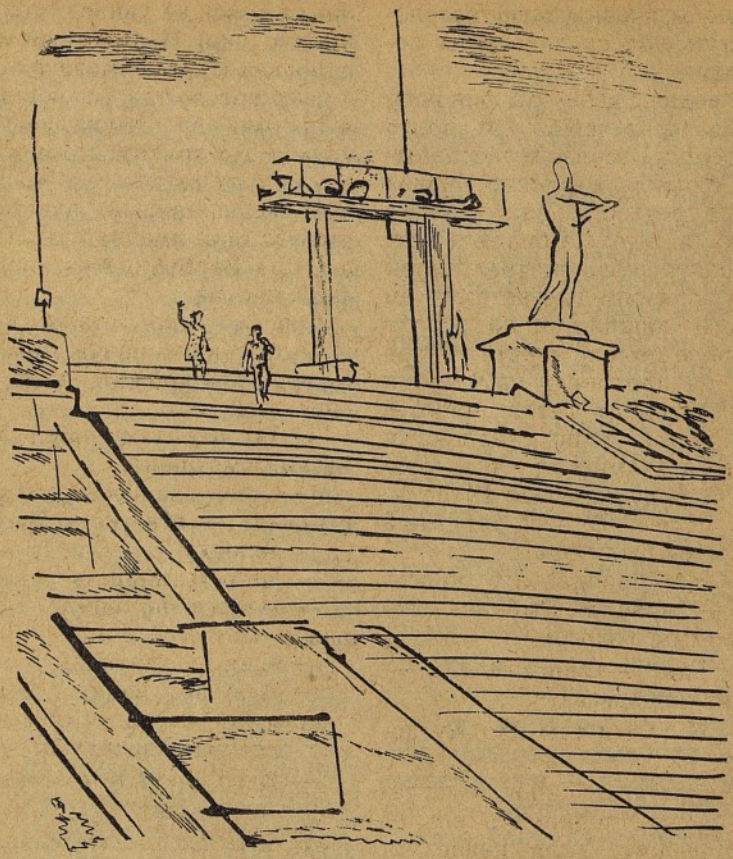
«И куда я её тащу, — думал я, — всё равно ведь ей хочется дружить со мной, гораздо больше, чем мне с ней, всё равно ведь она это поймёт».

Ветер у стадиона дул как сумасшедший, и народу никого не было. И хотя в этот день и матча не было и ветер действительно был страшный, очень странно было видеть такую пустоту: ни одного человека. Мы стали подыматься по пустой лестнице наверх, я оглянулся и увидел сверху огромный парк перед стадионом, пожелтевшие деревья и пруды, мимо которых мы шли сюда от трамвая.

Мне не терпелось поскорее подняться на самый верх стадиона, чтобы увидеть его пустую чашу и залив за стадионом, но Рыбкина вдруг сказала:

— Посмотри, столовая, и свет горит, там кто-то есть.

Она быстро пошла куда-то направо, по асфальтовой наклонной дорожке, под какими-то колоннами. Я пошёл за ней. Здесь был огромный балкон буквой «П» с толстыми каменными перилами, на которых сидели нахохлившиеся голуби. Они так и не шелохнулись, когда мы прошли совсем рядом. Внизу, под нами, был как бы дворик, тоже буквой «П», открытой стороной к прудам и первый этаж корпусов слева и справа от меня состоял из колонн. А за колоннами, у самой стены корпусов, полным-полно сидело голубей; когда мы были ещё внизу, я их не рассмотрел и теперь догадался, что они, как и верхние, тоже прячутся от ветра.



— Что молодые люди будут кушать? — спросила у нас тётенька в столовой и улыбнулась. Народу, кроме нас, никого не было.

— Ты, Рыбкина, пей быстрее лимонад — и пошли, а то стемнеет, — сказал я.

— Да я быстренько, — сказала она. — И ты тоже пей. И не называй меня по фамилии, зови Оля.

Мне стало неловко, я опять уставился в окно и тут же заметил, как прямо у меня на глазах начало светлеть, листья понеслись мимо окна быстрее, ветер, я думаю, ещё усилился, прогнал прочь тучи, и я снова заторопил Рыбкину идти поскорее, пока не стемнело уже по-настоящему.

Мы наконец вышли, поднялись на самый верх стадиона, и я увидел сразу и стадион, огромный и пустой, и залив за ним, серый, весь в волнах, и серое небо над заливом, и да-

лёкую и очень узкую красно-жёлтую полосу заката на горизонте.

Я поднял к глазам бинокль, навёл на резкость и долго смотрел на горизонт, после отдал бинокль Рыбкиной, навёл ей на резкость, она немного поохала, вернула бинокль мне, и я опять долго смотрел на пустой горизонт, где не было ни одного корабля, и на жёлто-красную полосу заката. Скоро мы оба продрогли на ветру и спустились от ветра прямо в низ пустой чаши стадиона и сели на скамью где-то в середине между верхом и футбольным полем. В этой огромной чаше мы были одни.

— Не правда ли, красиво? — сказала Рыбкина незнакомым голосом.

— Где? — спросил я. — Залив или здесь?

— И там и там. Но жутковато.

Я приставил бинокль к глазам и стал поднимать его от футбольного поля наверх, к небу, и вдруг увидел, как по центральному проходу сверху вниз спускаются двое: она — толком не разобрать в чём, а он — в белом свитере. Неожиданно сердце у меня сжалось. Я так сильно придавил бинокль к глазам, что у меня дух захватило, и все же не мог понять: они это или нет? И похожи и не похожи. Я подумал тут же, что это просто чисто внешнее сходство, видно, что мальчишка и девчонка, а он ещё в белом свитере, мало ли что, и я потому так разволновался, что испугался, что это они, а вовсе не увидел, что это именно они. И в этот момент я догадался, что, может быть, я себя просто так успокаиваю, а это они на самом деле, и, хоть я это толком даже в бинокль рассмотреть не могу, я всё же правильно чувствую, что это они, именно они: Тома и Саша Вербицкий из английской школы.

Совсем мне стало худо. И Рыбкина это почувствовала. Голос у неё дрожал, когда она спросила:

— Ты что так пристально на них смотришь?

— С чего ты взяла, что пристально? — ответил я хрипло.

— Я вижу.

— Чего ты видишь?

— Ничего не вижу! Всё я вижу! Дай мне бинокль!

— Ещё не хватало!

— Ага, вот видишь, ты не даёшь, не хочешь, чтобы я их как следует разглядела!

— Кого «их»? Кого «их»? — почти заорал я.

А она что-то повторяла, и голос её дрожал, и, конечно, ей и в голову не приходило обрадоваться, что Тома всё же не со мной дружит, а с этим Вербицким, ей просто было не по себе оттого, что из-за Томы не по себе стало мне, и, когда она сказала: «Это Тома, я чувствую», я вскочил со скамейки и бросился по лестнице наверх.

Она догнала меня уже на другой стороне стадиона, внизу лестницы, и дальше мы шли медленно и молча, мимо прудов по пустому парку, почти до самого трамвая.

Когда до него оставалось метров пятьдесят, во мне опять что-то закипело, забулькало, как в вулкане, и я сделал такое, отчего мне до сих пор стыдно, невероятно стыдно, хотя я так и не разобрался до сих пор, как я мог так поступить.

Я быстро вынул из кармана записную книжку, достал из неё лотерейный билет, который я купил тогда на почте, когда убежал от класса с залива, сунул его Оле Рыбкиной в руку и помчался на трамвай.

Она так и не сумела меня догнать, а может, она и не бежала. Скорее всего.

У самого моего дома, во дворе, в полной темноте я увидел, как вспыхивает, дрожа, и гаснет яркое, слепящее бело-голубое пламя. Я подошёл ближе: это была электросварка, двое рабочих в специальных брезентовых, по-моему, комбинезонах и шляпах и специальных щитках перед глазами, чтобы не слепило, сваривали здоровенную трубу, рядом двор был весь разрыт.

Мне глаза слепило очень сильно, один из рабочих прикрикнул на меня, чтобы я не стоял близко, я стал отступать к своей парадной, жмурясь, глядя на вспышки голубого огня и рабочих, склонившихся над трубой, и вдруг совершенно неожиданно и ясно так подумал, что вот люди работают, а я что делаю? Учусь? Так ведь все учатся. Это ещё полдела. А что я делаю ещё? Да ничего. Может, поэтому мне и плохо? А другие, ну, ребята, конечно, — они-то разве делают что-нибудь кроме учёбы? Далеко не все. А им почему хорошо? А кто вообще сказал, что им хорошо? Я, наверное, толком и не знаю, хорошо им или нет. Но об одном я, пожалуй, подумал верно, что, может, ни черта я не делаю и от этого-то мне и плохо. Конечно, скорее всего, я думал обо всём этом другими словами, какими именно, я сейчас уже и не помню, но мысль была очень похожей, и, пока я подымался по лестнице к себе в квартиру, мне даже легче стало от этой мысли: мол, займусь делом и всё будет как надо. Но дома эта мысль быстро вылетела у меня из головы. Я услышал из прихожей, как мама сказала Зике:

— Что это Томы несколько дней не видно? Почему она не заходит?

— Разве я забыла тебе сообщить? — спросила Зика. — Она второй день не ходит в школу, что-то у неё там такое с ухом, не очень серьёзное, но она сидит дома.

Вот оно что, подумал я. С ухом? Дома сидит? Значит, это была не она? А я вон как разволновался. Нет, видно, никогда мне не будет хорошо, как другим людям, если мне становится не по себе от того, чего и не было на самом деле. Я же не мог час назад, на стадионе, быть уверенным, что это она, я же не видел. Не видел, а разошёлся вовсю. Нет, вряд ли выйдет из меня что-нибудь толковое. Вряд ли.

16

Дымшиц ждал нас у проходной завода и улыбался — рот до ушей. Я был абсолютно уверен, что он не опоздает. Не такой он человек. Класс, конечно, пришёл не весь, кое-кого в этот день вообще не было в школе, кто-то сбежал сразу после уроков, а кто — по дороге, но народу было достаточно: у Евгении Максимовны глаза были голубые, я видел — она была довольна.

Дымшиц познакомился с ней, поцеловал ей руку, после поприветствовал нас и повёл всех через проходную, по огромному двору к длинному красному зданию вдалеке.

Там, кто хотел, разделся, и мы прошли в комнату отдыха. Когда все расселись вокруг стола с газетами и журналами, в комнате отдыха незаметно появился здоровенный, раза в полтора больше Дымшица, мужчина. Он забрался куда-то в угол, весь был красный и мял в руках платок, как певица.

Дымшиц сказал:

— Ребята, познакомьтесь, пожалуйста. Это технолог турбинного цеха, товарищ Мухин.

Мухин нам поклонился, закашлялся и сказал:

— Дети! Дорогие дети! Я к вам на минуточку. Чувствуйте себя как дома. Я ухожу. У меня дела. А главное, что товарищ Дымшиц обойдётся и без меня. Правда, он не работает на нашем заводе, он работает в НИИ, который часто выполняет наши заказы, но он прекрасно знает производство. Запомните, что так и должно быть: каждый учёный — производственник, каждый производственник — учёный. Ну, я пошёл. Счастливой экскурсии!

И он исчез. Прыг в дверь! — и как не было.

Дымшиц сказал:

— Мухин, ребята, замечательный человек. Он, как сейчас принято говорить, живая история этого завода. Ну, давайте о чём-нибудь поболтаем, чтобы я понял, что вас больше интересует, что вам показать

и в какой цех лучше вести. К слову сказать, любите ли вы технику?

Все долго молчали. Евгения Максимовна вдруг говорит:

— Робкие овечки!

Кто-то засмеялся, многие начали шушукаться, а Цыплаков сказал громко:

— Я, например, технику не обожаю.

Тут уж все просто грохнули. Цыплаков надменно закатил глаза, а Дымшиц спросил у него:

— Поясни, пожалуйста, свою мысль. Почему ты её... не обожаешь?

Цыплаков сказал:

— Очень просто. Многие тысячи и сотни лет назад люди жили без техники, а вот без искусства и художественной литературы они жить не могли.

Жора Питомников говорит:

— Ну, Цыплак, ты даёшь!

— Что «Цыплак»?

— Ну ты даёшь!

— Погодите, ребята, — сказал Дымшиц. — Давайте разберёмся в том, что утверждает ваш товарищ. Во-первых, если у людей техника появилась позже, разве она не нужна? По-моему, нужна. Ведь не от нечего делать люди её придумали и стали ей заниматься. В развитии техники была и есть большая необходимость. Разве не так?

— Так! Так! — закричали многие.

— Технику не обязательно любить, но о ней нельзя говорить пренебрежительно.

— А техника вовсе и очень давно появилась, — сказала Надька Купчик. — Когда колесо изобрели — это же техника.

— Умница! — сказал Дымшиц. — Именно! Об этом я и хотел заявить во-вторых.

Александрова-Пантер пискнула:

— Каменный топор — тоже техника.

— Во-во! — сказал Дымшиц.

— Огонь трением! Огонь трением!

— Лук для охоты!

— А когда под водой реку переходили и через тростинку дышали — разве не техника?

— А я говорю — огонь трением!

Братья Бернштейн — гимнасты — вдруг подрались в последнем ряду.

— Игорь! Славик! — глаза у Евгении Максимовны начали меняться, темнеть. — Неужели не стыдно? Прекратите!

— А чего он говорит, что я зря пришёл на завод, раз у меня трояк по арифметике?

— А чего он-то?!

— Да сам ты!!!

— Тихо! Тихо! Тише! — говорила Евгения Максимовна. — Тихо, ребята! Тихо!

Все замолчали, а Валера Шучко сказал:

— Ясно, техника появилась даже раньше искусства. Носятся тут со своим искусством.

Радик Лаппо сказал:

— Ты, Шучко, — балда!

— Вот что, ребята! — сказал Дымшиц. Голос у него стал грустный. — И искусство,

и техника необходимы людям, это факт, и здесь спорить не о чем. А вот кто что больше любит — другое дело.

— И я вот думаю так же, — сказал Жора. — Я, например, технику люблю, но ею заниматься не буду.

— Вот новости! — сказала Евгения Максимовна. — Это почему, Жорик?

— А потому, что я буду разводить животных. Ведь моя фамилия — Питомников, а я где-то читал, что если у человека фамилия и профессия похожи, то он может добиться больших успехов.

Все мы захохотали, Дымшиц хохотал так, что даже слёзы появились у него на глазах, а после сказал:

— С вами не соскучишься! Не-ет! Ну, ладно, давайте я поведу вас в цех по своему усмотрению. Пойдёмте всё же к Мухину, в турбинный.

Пока мы выкатывались гурьбой из комнаты отдыха, все продолжали шуметь и хохотать, но потом сами успокоились и замолчали, потому что здесь уже беситься было просто невозможно: в длинном, чистом и пустом коридоре стояла полная тишина, и, пока мы шли по нему, нам только пару раз попались куда-то спешащие люди, они быстро, тихо и очень вежливо здоровались с Дымшицем, он отвечал им точно так же, и они исчезали.

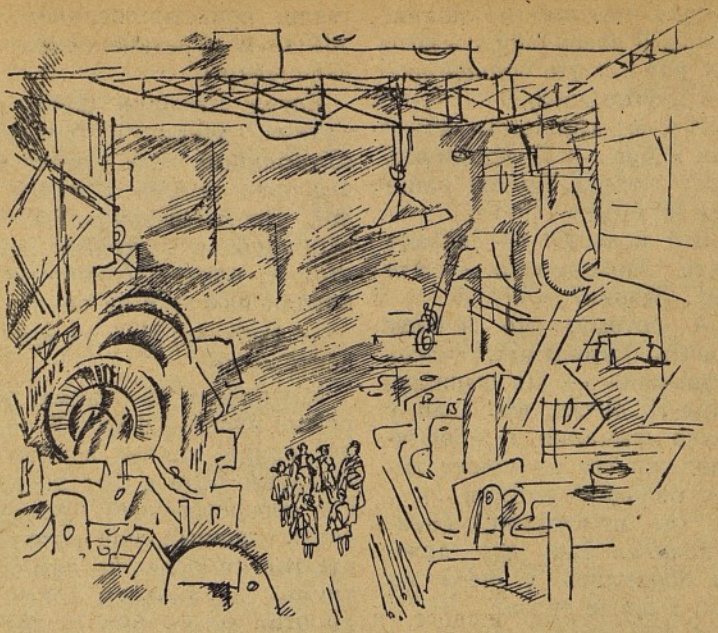
Мы прошли весь этот длинный коридор, свернули налево, потом направо, опять длинный коридор, и тут все услышали приближающийся глухой шум и резкие металлические удары.

Когда Дымшиц резко распахнул дверь с надписью «Турбинный цех», этот шум вырвался оттуда с такой силой, что мы остановились как вкопанные и несколько секунд стояли, пока Дымшиц не закричал нам уже из цеха:

— Ребятня! Что же вы! Давайте сюда.

Мы начали по одному, осторожно входить в цех. Я зашёл последним, глянул и обомлел. В таком цехе я был впервые. Он был огромный: высокий, очень длинный, под потолком, где горели большие лампы, — туман, а в дальнем конце цеха этот туман был такой густой, что рассмотреть, что там делается, оказалось просто невозможно. Наверху, вдоль всего цеха и поперёк его полным-полно было металлических балок и тянулись рельсы; по рельсам, приближаясь к нам, двигался подъёмный кран и кабина с тётенькой (я сумел рассмотреть), кабина то и дело позванивала звоночком. Прямо перед нами в глубь цеха тянулся широкий, как шоссе, теряющийся в тумане проход, по обеим сторонам его стояли станки! А народу — это было просто поразительно! — почти никого: у того станка один человек, у этого двое, вон ещё один идёт по проходу, и больше — никого, а цех огромный, и полно станков. Шум и лязг стоял ужасный. Наверное, если посмотреть вниз, с подъёмного крана, или

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА



из кабины этой тётеньки, мы все выглядели бы как малявки.

— Ребятки! — услышал я голос Дымшица среди шума и только тогда пришёл в себя. — Пошли! Я расскажу вам, как делают турбины. В популярной форме. И покажу.

Рядом с ним оказался ещё один человек, не Мухин только, другой, он тоже поманил нас рукой, и мы осторожно и озираясь тронулись за ним и Дымшицем. Не знаю, сколько мы прошли за ними вдоль по этому проходу-шоссе, но он вдруг посмотрел направо и вверх, мы тоже все поглядели туда и увидели спускающийся вниз крюк крана.

— Стоп! — сказал Дымшиц. — Давайте посмотрим.

Когда кран опустился, он подвёл нас ближе к станку.

— Здоровый станок, правда? На нём работают всего двое рабочих. Станком они управляют со специального пульта. Видите пульт? Только что со станка сошла одна из деталей турбины, за ней и приехал кран, чтобы забрать её и перенести к месту окончательного монтажа турбины. Я вам всё покажу, это в дальнем конце цеха. Смотрите пока, как стропали стропами — специальными тросами — прикрепят деталь к крюку крана.

Здоровенные дядьки (мне показалось, что очень здоровые), только не рабочие станка, а другие, ну, видно, эти самые стропали, ловко закрепили большущую деталь, что-то

крикнули тётеньке в кабинке, помахали ей рукой, и деталь вдруг плавно так сдвинулась с места и поплыла вверх. Стропали кричали иногда какие-то короткие и непонятные слова и что-то делали рукой, такие знаки, и деталь двигалась то быстрее, то медленнее, то чуть влево, то вправо и стала уплывать по верху вдоль цеха, и всё время позванивал звоночек из кабины. Эта тётенька в кабине и стропали переговаривались на каком-то своём языке, как матросы на корабле.

— Пошли к карусельному! — прокричал Дымшиц, и мы тронулись дальше.

Карусельный станок был ещё больше того, первого, и тоже с пультом управления и своим освещением, специальными лампами. Того света сверху, от больших ламп, явно бы не хватало из-за высоты и тумана. Этот карусельный станок крутился как карусель — ну не сам станок, а его крутящаяся часть вместе с деталью — а резец, который её обрабатывал, был неподвижным.

Лицо Дымшица прямо светилось, когда он рассказывал о станке.

— Огромные лопасти турбины! — кричал он. — Это не просто лопатки! Это огромные крылья, и каждое крыло представляет собой математически сложную, я бы сказал — сложнейшую, единую систему выпуклых и вогнутых поверхностей. Идите сюда! Вот станок, который делает поверхность лопасти после отливки идеально правильной. Смотрите, смотрите внимательно! Большим резцом трудно управлять, чтобы выполнить такую сложную и тонкую работу, да, тонкую, хотя лопасть и огромна. Мы заставляем нечто вроде маленького резца отмечать эту работу на маленькой модели, после от этого маленького резца через сложную связь идёт программа к резцу большому, и тогда начинает действовать он, большой резец. Понимаете теперь, какая это красота!?

Дымшиц таскал нас от станка к станку, кричал, заглушая шум в цехе, рассказывал, объяснял, знакомил с рабочими, просил их объяснить нам работу станка, они объясняли, он хохотал, шутил, тащил нас дальше, и всё начиналось сначала.

— Это электрокары! — кричал он, показывая нам на маленькие машинки, которые сновали по узким улочкам, пересекавшим главное шоссе цеха. — Они перевозят более мелкие детали. Либо от станка к станку. Либо в другой цех, либо из другого. Привет, Коля! — кричал он водителю электрокара. — Идите сюда, детки! Вот смотрите, смотрите во все глаза, здесь и собирается мадам турбина целиком. Это святое место! Ага, вот и она, голубушка! Помните эту деталь, которую при вас потащил от станка кран? Это она! Смотрите, смотрите! Вы видели когда-нибудь крепёжные болты и гайки такой вели-

чины? Во гайка! Чуть ли не в метр диаметром! Слушайте сюда! Говоря очень и очень примитивно, когда наступит момент сборки, на вал, длиннющий вал наденут и закрепят специальное огромное кольцо, в него вмонтируют лопасти, закрепят их, насадят на вал конус и всю эту собранную махину отправят на электростанцию. Вал окажется в специальном отделении электростанции, лопасти же примут на себя огромную нагрузку падающей сверху воды, они начнут вращаться, а вместе с ними и вал. Так на электростанции из механической энергии, энергии вращения, получат энергию электрическую. Но не забывайте, — я всё объяснял примитивно! Теперь я жду от вас вопросов, детишки!

По-моему, все были усталые жутко, когда мы вышли из проходной. И очень тихие. Но глаза у многих — я заметил — странно блестели. Галка Чижова и красавица Нина Луфарёва — Пумка смотрели на вышедшего с нами Дымшица, открыв рот, как на великого киноактёра.

Евгения Максимовна долго трясла Дымшицу руку и благодарила, мы — тоже, после она пригласила его в школу на какой-то вечер, и тогда все заорали, чтобы он обязательно приходил.

— Цех произвёл на меня огромное впечатление, — сказал Цыплаков Дымшицу. — Но я остался при своём мнении.

Во фрукт, а?!

Правда, никто не обратил на него внимания, а Дымшиц потрепал его по плечу и сказал:

— Молодец, шкет. Надо быть принципиальным.

После он ушёл на завод по своим делам, а мы поехали домой.

В трамвае я стоял один, отдельно от всех, многие завелись и начали галдеть и спорить, но мне спорить не хотелось. Сам я вроде бы не очень интересовался техникой, но я давно не видел в жизни ничего подобного этому цеху. Точно, одно дело читать, слышать, рассуждать, и совсем другое — всё это увидеть.

Рис. Ю. Шабанова

(Продолжение следует.)

Н. СЛАДКОВ

Рисунки Г. Ясинского

Путешествие по стране «Октябрь»

По стране «Октябрь» налегке не попутешествуешь. Нужны крепкие сапоги, тёплая и непромокаемая одежда.

В октябре пустеют леса и поля. Ни голосов людей, ни криков птиц. Слышнее всего в октябре — ветер. Ветер свистит в жёсткой стерне на полях и в голых сучьях в лесу. Ветер гонит тучи по небу и волны по воде. Ветер срывает с деревьев последние листья и гонит на юг последние стаи перелётных птиц. Ветер гудит в проводах, барабанит в окна. Ветер, всюду ветер. Разгульный ветер-листобой!

Хорошо в такую погоду тому, у кого крыша над головой да припас в кладовой. Людям что: у них дома, магазины, центральное отопление. Они даже сводку погоды только под воскресенье слушают: ни снег, ни дождь им не страшен.

А вот жителям лесов и полей в октябре достаётся!

Гонит ветер с севера холод, за холодом надвигается голод. А у них ни домов, ни магазинов, ни печей. И о погоде никто не предупреждает. И потому каждый устраивается как может. Хомяки, полевые и лесные мыши в норках зёрна на зиму запасают. Белки, куницы, лисы в тёплые зимние шубы переоделись. Горностаи, ласки, зайцы-беляки и белые куропатки загодя белые маскировочные халаты заказали — чтоб на снегу их было не видно. Барсуки, медведи берлоги и норы укромные облюбовали. Бобры осины валят, сочные ветки на зиму запасают.

Туговато в октябре и птицам насекомоядным: насекомыши-то попрятались! Приходится вегетарианцем становиться: дрозды — на рябину, дятлы — на шишки. Синицы в окна стучат, напоминают: выставляйте для нас кормушки!

Не любит октябрь ни колеса, ни полоза. Раскисли лесные и полевые дороги: ни пройти ни проехать! Одному ветру везде дорога — мчит напрямик и ревёт страшным голосом. На лесных жителей страху и холоду напускает.

ШВЕЙНЯ

Зима на носу, майку на шубу пора менять, босоножки — на валенки.

Задумались звери: где шубу достать? А Лисица тут как тут:

— Ко мне, ко мне, желанные, торопитесь. У меня швейня «семь шкур». На всех угожу!

Первым прискакал Заяц:

— Поторопись, Лиса, снег со дня на день, того и гляди, а я в летней безрукавке. Зуб на зуб не попадает, да не от холода, а от страха: хорош я буду в тёмном-то на белом снегу! Можешь ты мне раздобыть шубку защитную — беленькую как снежок?

— Это мне что хвостом вильнуть! — отвечает Лиса. — Только вот мерку сниму, скачи ко мне ближе...

— Какую ещё мерку? — насторожился Заяц. — А ты на глазок.

— Без мерки не могу, — отвечает Лиса.— Глазам я не верю, мне надо пощупать. Кто следующий?

Белка на ёлке стрекочет:

— Мне, Лиса, сделай шубку на беличьем меху, тёплую зимнюю. И хвостик чтоб попушистей, да на ушки кисточки не забудь, да на грудку белый передничек. Моя-то летняя рыжая пообносилась. Зябну...

— Фу ты, ну ты, франтиха какая! — проворчала Лиса. — Кисточки ей, хвостик, передничек... И кому на тебя в лесу-то смотреть? Ну да ладно, слезай с ёлки, мерку снимать буду.

— А без примерки разве нельзя? — испугалась Белка.

— Без примерки я только Ежу делаю: иголок натыкаю, и готово. Есть там ещё кто?

Из воды высунулась Выдра:

— Мне, Лиса, нужна шуба тёплая и непромокаемая, из водоотталкивающей шерсти. Я ведь и зимой в воде-сырости, мне в шубе и нырять и плавать!

— Могу и непромокаемую, — обещает Лиса. — Я не могу? Вылезай на берег, мерку с тебя сниму.

— Только мерку снимешь?

— А что же ещё?

— Мне бы лучше без мерки...—упирается Выдра.

— И чего это вы все недотроги такие? — не понимает Лиса. — Или вы щекотки боитесь? Видали на мне лисью шубу — какая работа! Пушнина, мягкое золото! Охотники прямо глаз с неё не сводят. А всё потому, что по мерке. И медвежью шубу шила и волчью доху — нахвалиться не могут!

— Так-то оно так... — жмутся звери. — Да мы-то не волки и не медведи. Как бы в твоих «семи шкурах» свою последнюю не потерять. Вместе с меркой-то, гляди, и голову снимешь. Лучше уж мы, Лиса, без твоей помощи обойдёмся, сами выменяем майку на телогрейку.

И разбежались во все стороны. Лиса только зубами щёлкнула.

СМЕШИНКИ

Косач молодой и Косач старый

— Только и слышу: зима, зимовать скоро, скоро снег на голову, мороз за нос! А что такое, Косач, зима?

— А ты, Косачок, лето знаешь?

— Знаю! Как же не знать.

— Так вот зима — это лето наоборот.

— А что такое мороз?

— А ты жару знаешь?

— Знаю!

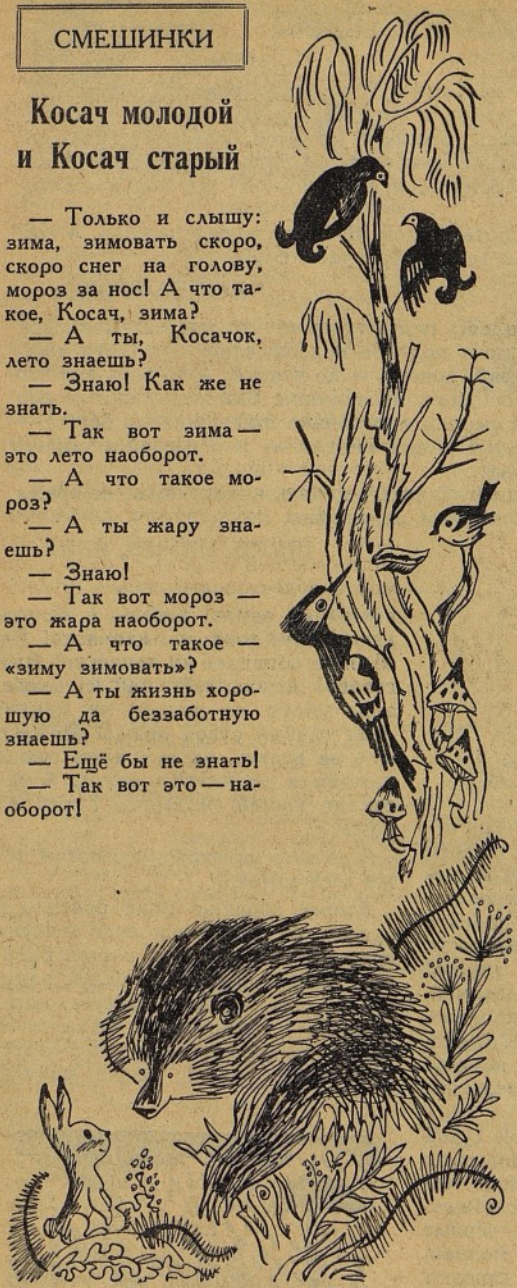
— Так вот мороз — это жара наоборот.

— А что такое — «зиму зимовать»?

— А ты жизнь хорошую да беззаботную знаешь?

— Ещё бы не знать!

— Так вот это — наоборот!



Воробей и Дятел

— Эй, Дятел, все птицы к зиме приспосабливаются: кто на юг улетел, кто на задворки подался. Один ты всё на том же месте стучишь. Смотри, останешься с носом!

— А мне, Воробей, только того и надо! Нос у меня на все руки мастер. Я носом и шишку раздолблю, и сухостоину раздолблю, и листья сухие разбросаю, и дупло для ночлега выдолблю. Мне бы только с носом остаться!

Заяц и Медведь

— Белка на зиму грибы запасает, Бурундук — орехи. А ты, Медведь, всё без дела шатаешься. Вот засыплет снег землю — что лопать-то станешь?

— Ты, косой, за меня не волнуйся. Я, брат, самоед. Я зимой сам себя ем. На-ко, пощупай, сколько сала под шкурой я припас — на всю зиму хватит. Я не зря по лесу шатаюсь, я сало коплю. Чего и тебе, косой, советую.

— Э-э, Медведь, какое там сало... Нам, зайцам, в лесу не до жиру, быть бы хоть живу!

Сердитые голоса

«Я, Клюква, обижена на ребят. Настроение у меня совсем кислое. Ещё бы! Я старалась цвела, я старалась росла, бока на солнышке грела, соками наливалась. Стала я крупной, красной, витаминной. А что толку? Вон сколько ягод моих по болотам осталось! А кому приятно быть недосмотренной, недособранной? Да под дождями осенними мокнуть?

Не забудьте про меня хоть весной. Я, Клюква подснежная, и весной хороша! Не забудьте, а то я с горя раскисну!

КЛЮКВА-ЯГОДА».

«Не очень-то нас рыболовы радуют, не то что мы их! Полбеды, когда ещё червяка с крючком под нос подсовывают. Тут хоть честно: хочешь — червяка хватай, хочешь — не хватай. А то ведь вот что придумали. Вода сейчас холодная, прозрачная. Зажигают они ночью на носу лодки костерок из смолья и тихонько плывут вдоль берега — высматривают в воде, где мы спим. Увидят — и острогой в спину! Кого убьют, кого покалечат!

Нечестно так, товарищи рыболовы: ночью, исподтишка, во время сна... Да ведь и нельзя: законом запрещено.

ЩУКИ, ОКУНИ, ЯЗИ».

РАССКАЗЫ ЗАВИРУШКИНА

Самое невероятное

Здравствуйте, мои друзья! Три невероятных зрелища видел я в своей жизни. Мне невероятно везёт на невероятное, но такое невероятное даже со мной, вероятно, случилось в последний раз! Три невероятности подряд — одна невероятней другой! Я растерян, я ошеломлен. Другой, наверное, совсем бы потерял голову. Я же голову не потерял. Вот она, на месте. И даже больше не кружится. А ей было отчего потеряться и закружиться!

Судите сами: я попал под сухой дождь! Вы только представьте: дождь и... сухой! Ха-ха! Свихнуться можно. Над головой чёрные тучи, громы и молнии, вниз из туч свисают космы дождя, обрушивается на землю ливень, я открываю скорее зонт, и... напрасно! На меня не попадает ни капельки! Над головой дождь льёт как из ведра, а на землю не падает ни капли! Льёт особый сухой дождь! Можете мне не верить, но под этим сухим дождём я до нитки... высох. Я засох до костей. Я вышел сухим из воды!

Я до того удивился, что потом даже весь взмок...

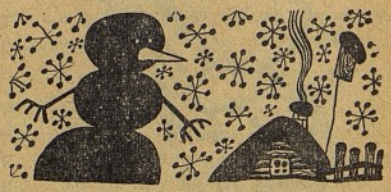
Второе зрелище меня бросило в краску. От удивления лицо моё покрылось пятнами всех цветов радуги. Я увидел, я увидел... белую радугу! Да, да, та самая радуга, которую зовут семицветной, была чисто белой! Белой как снег, как бумага, как халат врача! Белая радуга!

При виде её я от удивления потемнел...

Наконец—третье невероятное приключение: я попал под снегопад. Но какой снегопад! С неба сыпал... чёрный снег! Снег... чёрный! А ведь снег принято сравнивать с белым пуховым одеялом, с белой простынёй, с белым саваном даже! А тот снег был чёрный как сажа, как уголь, как дым, как копоть, как, как... как обёртка от фотобумаги!

Ребята слепили из него чёрного снеговика, похожего на трубочиста, и построили чёрную горку. Катались на лыжах по чёрному снегу и играли в чёрные снежки! Когда я увидел всё это, я побледнел...

Нет, я кончаю, я больше не могу. Я уверен, что никто из вас не видел белую радугу, чёрный снег и сухой дождь. А если вдруг кто-то видел —



поскорее мне напишите. Мне станет легче, — значит, это не примерещилось, значит, я в здравом уме и твёрдой памяти. Жду ваших писем!

ОТВЕТЫ

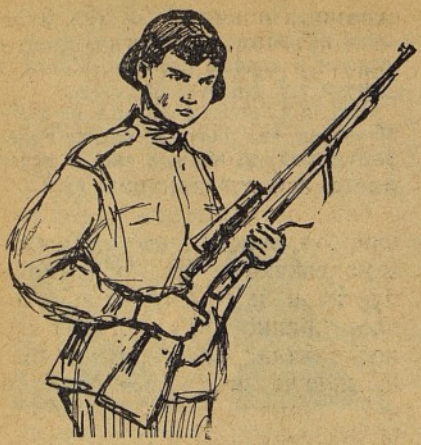
Прошлый раз Завирушкин нам рассказал, что знает такое место, где от зимы до лета за 2—3 часа можно дойти! Помните, как он говорил:

— Стою я посредине осени, справа от меня зима, а слева — лето! Захочу — буду грибы собирать, захочу — в снежки играть, захочу — буду купаться и загорать!

И клялся, что места такие не где-то за тридевять земель в тридесятом царстве, а у нас в стране. Как всегда, мало кто ему поверил. Уж больно неправдоподобно, чтоб от зимы до лета было рукой подать! И всё же... и всё же он рассказал правду!

Есть у нас такие удивительные места. Это... горы! В горах всё необыкновенно. Тучи часто там видишь не над головой, а глубоко под ногами. Где-то внизу гром гремит, молнии сверкают, дождь льется, а над тобой ясное солнышко! И на птиц летящих смотришь не снизу вверх, как обычно, а сверху вниз. В горах можно спрятаться в облаке или пройти сквозь радугу. И там — и только там! — можно с одного места сразу увидеть и осень, и лето, и зиму. Например, на Кавказе в октябре все вершины гор уже белые, — там зима. И пониже, в горных лесах, ещё золотая осень. Жёлтые листья и травы, спелые ягоды и грибы. А ещё ниже, в предгорье, лето. Зелёные леса и луга, цветут цветы и порхают бабочки. Хочешь — загорай, хочешь — купайся! И от зимы до лета всего каких-нибудь два километра по высоте. За 2—3 часа не спеша можно спуститься. Перед завтраком в снежки поиграл, после завтрака ягоды в осени пособирал, а перед обедом на летней полянке позагорал, в летней речке выкупался! Благодать!

Д. БОГДАНОВА



ЛИЯ

Рисунки В. Орлова

ЕЁ ПОРТРЕТ есть почти в каждой школе. Где-нибудь в пионерской комнате, в уголке боевой славы или в комсомольском зале обязательно увидишь знакомое девичье лицо, совсем юное. Но такое серьёзное! И губы сжаты сурово. Тёмные глаза смотрят пристально, будто взяли кого-то на прицел. А короткие волосы прикрыты пилоткой, и ворот гимнастёрки наглухо застёгнут, как полагается по военному уставу.

Девушка эта была снайпером. Ей присвоено звание Героя Советского Союза — посмертно. Имя её высечено на мемориальной доске, что белеет на фасаде бывшей 140-й школы Ленинграда:

«Здесь училась комсомолка Герой Советского Союза Лия МАГДАГУЛОВА, героически погибшая в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Только пишут теперь иначе: Молдагулова. Алия Молдагулова. Поправку внесли красные следопыты. Откуда же взялась «опечатка»? Почему так случилось?

Там, где Лия училась, её помнят и любят. Много лет в 140-й школе берегли её парту. И листок с оценками за успеваемость. И выписку из наградного листа о её подвиге. Но это было почти всё, что знали о ней. И Лия стала человеком из легенды.

Но ведь не «преданье старины глубокой» её короткая и бесстрашная жизнь!.. Каких-то два-три десятка лет прошло с той поры, как девочка-подросток ходила по улицам Большой Охты, сидела за простой чёрной партой. Где-то пылятся фотографии и письма, лежат в архивах справки, письма, списки, приказы. А кто-то даже и помнит её — просто Лию, живую обыкновенную девочку, которая стала потом героиней. Если не найти документов, если не расспросить людей, то останется легенда. Красные

следопыты искали, выспрашивали. И легенда стала историей.

Вот что они узнали.

ЛИЯ РОДИЛАСЬ 25 октября 1925 года в казахском ауле Сар-Булак, что значит «Жёлтая глина». Аул этот находится в Хобдинском районе, Актюбинской области.

Горькое детство выпало на её долю. Умерла мама. От злой, сварливой мачехи ни тепла, ни заботы. Только окрики: «Подай! Принеси! Почему не сделала?»

Какая-то добрая старушка из аула, совсем чужая, и то больше жалела малышку. А потом Лия очутилась в Ленинграде, в детском доме. Туда привёз её дядя.

Детский дом № 46 стоял на Большой Охте. Здесь не было злой мачехи, а были хорошие люди — педагоги и такие же, как Лия, ребята. Здесь нашла маленькая казашка новую семью. И началась другая жизнь.

Трудно разговаривать, даже просто играть с русскими ребятами, если до одиннадцати лет ты понимал только казахскую речь. Ещё труднее учиться в школе! Слушать на уроке, как устроена земля, какие бывают народы и страны, решать задачи и писать упражнения. Ох, сколько мук было с этими упражнениями! Крепко сжав губы, Лия снова и снова писала буквы, складывала их в слова. Надо, чтобы буквы выглядели красиво, а в словах не было ошибок. Вот уже вся страница исписана, и как будто получилось неплохо, да вдруг в последней строке что-то не удалось. Простая помарка. Ах, так! Лия безжалостно рвёт всю страницу и принимается писать заново.

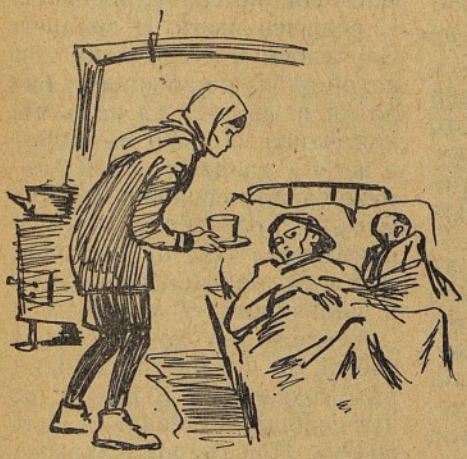
Она была очень настойчивая, эта девочка. Не упрямая, а настойчивая. Не добивалась пустяков и удовольствий, но зато крепко стояла на своём, когда была уверена, что права. И другие черты замечали в ней. Например, правдивость. И решительность. И смелость. Случалось, обозлится на Лию какой-нибудь мальчишка (мало ли из-за чего не поладят), пригрозит: «Только выйди!» — и ждёт у дверей со снежком в руке. А она спокойно пройдёт мимо, не обернётся, шагу не прибавит. Разве бросишь снежок в такую? Все, в том числе и мальчишки, её уважали.

Училась она хорошо. В её табеле за шестой класс, который сохранился в школе, почти сплошь «пятёрки» и «четвёрки». При гордом характере это неудивительно.

НАЧАЛАСЬ ВОЙНА. 46-й детский дом не успели эвакуировать, и воспитанники его остались в осаждённом городе. Они испытали всё, что пришлось пережить ленинградцам. Теперь Лия была семиклассницей и, как старшая, приняла на свои плечи новые заботы.

С каждым днём становилось тревожнее и труднее. Вот и бомбёжки начались, и обстрелы. Надо было укрываться в убежищах, уводить туда ма-

лышей. Все удивлялись, как стойко переносит она трудности. Это особенно бросалось в глаза, когда начался голод. В самые тяжёлые дни блокады заболела воспитательница младшей группы. Её заменила Лия. От слабости кружилась голова, руки дрожали и не слушались, ноги подгибались, но девочка понимала: если вышел из строя старший, надо стать на его место. Она делала всё, что могла. Успокаивала



ребятишек, купала, кормила, тщательно деля крохи пайка; заботилась, как ласковая сестрёнка. И они жались к ней, ждали помощи. Но помочь не могли даже взрослые... Они так же болели цингой и дистрофией; и их настигали осколки бомб и снарядов.

Как только весной 1942 года появилась возможность, детский дом вывезли из Ленинграда. Сил уже совсем не оставалось, а дорога была долгой и изнурительной. Надо было держаться. Надо было передвигаться самим и ещё нести вещи.

Наконец прибыли в село Вятское, Ярославской области.

Самое страшное теперь осталось позади. Но ждали новые трудности. Нужно было возобновить ученье и наверстать то, что упустили в блокадную зиму. Кроме того, работать по хозяйству в детском доме и на колхозных полях: там не хватало рабочих рук. Как всегда, Лия не отказывалась ни от какой работы: полола, копала картошку, молотила, помогала грузить.

Когда, много лет спустя, красные следопыты 140-й школы приехали в Вятское, то оказалось, что здесь не забыли Лию. И помнили её не только потому, что она, казашка, отличалась внешностью от остальных ребят. Её запомнили потому, что она всегда была там, где нужно. А главное — в памяти у людей остался её удивительно сильный, мужественный характер.

Учителя вятской школы подарили красным следопытам протоколы педсоветов 1942 года и классный журнал. Ребята тут же принялись их листать. Вдруг одна девочка увидела такую запись: «Молдагуловой — переэкзаменовка на осень по химии».

— Как же так? — удивилась она. — Нам прежде говорили, что Лия прекрасно училась, да и табель её в Ленинграде мы помним — там почти одни пятёрки.

Разъяснила недоразумение старая учительница вятской школы Татьяна Александровна Суворова, одна из тех людей, которые помнят эвакуированных ленинградцев и хрупкую черноглазую Лию.

— Что же вас удивляет?— спросила она. — Вы, я вижу, вообразили, что учебный год в блокадную зиму — то же самое, что и ваш, обыкновенный. Это не так. Когда к нам приехали эти дети, измученные, больные, истощённые, мы отказывались верить, что они смогут учиться. Нам было трудно понять, как занимались они там, в своём городе. Но вот я увидела их в своём классе, и Лию тоже. И я всё поняла. Глядя на них, я поняла, какие там, в Ленинграде, люди...

Лия набросилась на учебу с жадностью. Занималась самоотверженно и без всяких скидок. Блокадной зимой, в седьмом классе, у них преподавали не все предметы. Не было в программе и химии. Теперь, чтобы получить аттестат за семилетку, Лия должна была сдать весь курс химии седьмого класса. И вот за три летних месяца она самостоятельно прошла этот курс, хотя, как и все, работала по хозяйству и на полях.

— Я сама принимала у неё экзамен по химии и поставила за ответ твёрдую пятёрку,— говорила старая сельская учительница.

Осенью того же года Лия Молдагулова поступила в авиационный техникум в городе Рыбинске. Но уже зимою, прослышав, что где-то под Москвой создана снайперская школа девушек, она поняла, где её настоящее место. И решила стать снайпером. Уйти на фронт.

Снайперы. Сверхметкие стрелки особой выучки. Они в годы войны стали беспощадными истребителями фашистов.

Место снайпера — на самом переднем крае. Даже впереди переднего края, на ничейной земле. Свои окопы и траншеи уже позади, а вражеские — вот они, всегда в нескольких десятках метров. Здесь, замаскировавшись в каком-нибудь укрытии, стрелок часами выслеживает противника. Один на один. Его привлекают особо важные цели: офицеры, снайперы, наблюдатели, пулемётчики врага. Такая охота наносит особо ощутимый урон врагу.

По всей стране гремела слава Феодосия Смолячкова. Стала грозой фашистов Людмила Павличенко из Севастополя — первая женщина-снайпер.

...Старинная усадьба графа Шереметева в подмосковных Вешняках превратилась в 1943 году в Центральную женскую снайперскую школу. Сотни девушек готовились здесь стать сверхметкими стрелками. Поэтому слова полководца Суворова — «тяжело в ученье, легко в бою», — конечно, полностью относились и к ним. Безо всякой скидки на хрупкость и слабость они, как положено настоящим бойцам, це-

лые дни проводили на строевых занятиях, с полной выкладкой делали многовёрстные марши; ползали по-пластунски в поле — прямо по снегу, лужам или грязи, с винтовкой в руках; и каждый день стреляли, стреляли, стреляли по мишеням из положения лежа, стоя, с колена... К вечеру они не помнили себя от усталости. Ноги гудели от ходьбы, руки болели от тяжёлой винтовки. Но до того как повалиться в постель, ещё надо было вычистить винтовку так, чтобы командир не заставил проделать всю работу заново.

Всё это прошла и Лия Молдагулова.

Она, пожалуй, была самой юной из этих девушек. И самой хрупкой. Дружила с девушкой несколькими годами старше её — Надей Матвеевой. С нею позже она составила «снайперскую пару» (на фронте снайперы обычно действовали в паре, поддерживая друг друга). С Надей Лия делилась своими мечтами. Ей первой рассказала обо всём пережитом, о погибших в Ленинграде подругах, читала полученные письма из села Вятское, Ярославской области — от ребят и учителей, от одной женщины из Ленинграда (это была медсестра, которая прежде работала в детском доме и любила Лию) да ещё откуда-то из Казахстана, — там жила её родная сестра Сапура. Надя заметила, что на конвертах Сапура всегда пишет «Молдагулова», а не так, как все остальные, — «Магдагулова». Вообще с фамилией выходила какая-то путаница. Лию звали и так и этак, а она сердилась и каждый раз поправляла... Наде объяснила так:

— Понимаешь, тут ошибка. У меня в метрике не очень понятно было написано. Смотри. — Она взяла клочок бумаги, карандаш и вывела свою фамилию. — Видишь, буквы «о» и «л» рядом? Хвостик от «л» сливается с «о», и получается как будто «аг». Так что зови меня, пожалуйста, Молдагуловой, — попросила она.

Закончился срок обучения.

Зеленели деревья и луга. Заливались птицы, солнце светило ярко и радостно. Жизнь была так прекрасна! Но Лия торопила дни... Скоро она сможет предъявить свой счёт фашистам: за ленинградскую подружку Нину, — она так просила перед смертью только разочек откусить хлеба; за детей, убитых осколками снаряда на мостовой; за свои мучения, которых не забыть!

В Вешняках заседала мобилизационная комиссия. Просматривали списки, личные дела. Обсуждали каждую выпускницу. Всё делали быстро, деловито.

Лия ходила с горящими щеками, ничего не видя вокруг. Скоро ли? Куда? С кем?

ПСКОВЩИНА. Где-то здесь, поблизости от старинного города Холм, от реки Ловать, тихой и плавной, как все русские реки, проходила в июне

1943 года линия Северо-Западного фронта. Цвели ландыши и сирень, леса заполнялись соловьиными трелями. Наверно, про тех соловьёв поётся в знаменитой песне:

Соловьи, соловьи,
Не тревожьте солдат.
Пусть солдаты
Немного поспят...

Но кроме птичьего щебета в псковских лесах слышны были свист пуль, пулемётные очереди и разрывы мин; а лесные ландыши топтали солдатские сапоги. Враг ещё не был изгнан с псковской земли.

Прекрасным летним утром в землянке командира 54-й курсантской отдельной стрелковой бригады сидели трое: сам командир — гвардии полковник Уральский, начальник политотдела Ефимов и начальник штаба Рудный. Вошёл дежурный офицер.

— Товарищ командир, — доложил он, — там прибыла команда снайперов. Из Москвы. Они сейчас у КП.

Уральский поспешно встал.

— Сколько их там? — спросил он.

— Двадцать.

— Постройте. Сейчас приду знакомиться.

Дежурный офицер козырнул и вышел.

Уральский не спрашивал, какие они, эти снайперы. Пополнения он ждал давно и теперь был рад. Вместе с офицерами он направился к КП, который находился метрах в семидесяти от землянки, на лесной поляне. Из-за кустов были видны люди в военной форме, уже выстроившиеся шеренгой.

— Р-равняйсь, смирно! — донеслась команда.

Уральский приблизился, быстрым взглядом окинул строй. Это были... девчонки.

— Эх, — успел шепнуть ему на ухо Ефимов, — только их нам недоставало!

Но делать было нечего. Не скажешь же бойцам: «Мы вас не ждали» или «Мы ждали не вас». Вон как старательно они вытянулись, как «едят глазами» начальство! И снайперские винтовки при них. Всё, как надо. И говорили с девчатами так, как говорят обычно с пополнением: объяснили обстановку на фронте, поздравили со вступлением в боевую семью, пожелали успехов. Потом Уральский стал обходить строй, чтобы познакомиться получше со своими новыми бойцами.

Первой на правом фланге стояла высокая, этак метра в два ростом, дородная девушка. Она была такая крепкая на вид, что командир даже подумал, что кое-кто из его парней, пожалуй, уступит ей в силе.

— Как зовут? — спросил он.

— Попова. Зинаида, — ответила великанша.

Другие снайперы не отличались такой могучей комплекцией. Это были обыкновенные девчата, разного роста и сложения. Он проходил мимо них, спрашивая некоторых, как зовут, сколько лет, откуда родом. Но вот он дошел до левого фланга, взглянул на замыкающую... и слова застряли в его горле. Перед ним, едва до-

ставая макушкой ему до плеча, стояла этакая пигалица, щупленькая, тоненькая, как хворостинка. Солдатский ремень был обкручен вокруг её талии два раза, гимнастёрка ушита во всех швах. Винтовка, поставленная прикладом на землю, была ростом выше её. «Прямо детский сад какой-то», — подумал Уральский, но вслух, конечно, ничего не сказал. И ещё он подумал: «Эх, дочка, сидеть бы тебе дома, у мамы под крылышком, а не с немцами воевать». И ещё подумал, что даже на самой что ни на есть передовой бывают свои «тылы», менее опасные места, и что покуда надо хоть туда отправить эту девочку. Но ничего этого вслух не сказал командир бригады, а только посмотрел на неё, потом на Ефимова, будто тот знал больше его, и спросил:

— А это кто такая?

Девчонка ещё больше вытянулась, чуть ли не поднялась на цыпочки, и отчеканила:

— Снайпер Молдагулова!

Продолжая смотреть не на неё, а на Ефимова, Уральский сказал:

— Отправьте, Василий Иванович, бойца Молдагулову в медсанбат. Пусть она помогает на кухне. — И повернулся, чтобы уйти.

Вдруг боец Молдагулова сделала резкое, неожиданное движение и оказалась как раз на пути Уральского, вне строя. Голосом, в котором звенели обида, возмущение и вызов, она выпалила совсем не по уставу:

— А я приехала на фронт не картошку чистить. Я приехала фрицев стрелять!

Все растерялись от такого выпада. И Уральский тоже. Экая задира! Но что с ней делать? Не на гауптвахту же сажать. И прощать нельзя.

— Ах, ты вот как разговариваешь? — сказал он тогда. — А ну, покажи свою винтовку, ещё посмотрим, какой ты снайпер.

Он взял оружие в руки и заглянул в ствол. Чисто! Блестит как зеркало.

Молдагулова неотрывно следила глазами за полковником, и что-то бесовское пряталось в них.

Да, к самому главному — к стволу — придраться было нельзя. А как снаружи? Так-так... Оптический прицел аккуратно прикрыт кожаным чехлом... Та-ак... Вдруг блеснула медная, ярко начищенная пластинка на прикладе.

Выгравированная на ней надпись гласила:

«От ЦК ВЛКСМ. За отличную стрельбу. Именная винтовка № 965».

Уральский медленно перевёл потеплевшие глаза на бойца Молдагулову, бережно передал ей в руки оружие и сказал:

— Будешь, доченька, бить фашистов.

Так Лия стала бойцом первой разведроты 4-го батальона 54-й бригады.

«Воробышки, чижики, карандаши»... На все лады, кто ласково, кто снисходительно, звали солдаты девушек-снайперов. В боевые их качества они не верили. Но шло время, и «воробышки» показали, на что они способны.

Затемно, в предрассветном тумане, уходили «на охоту» снайперские пары. Пробирались, согнувшись по траншеям, прячась за кустами или по-пластунски прямо сквозь осоку и вереск к тому одинокому окопчику, где будут теперь сидеть, лежать и стоять часами, держа на прицеле вражескую линию обороны. Она совсем близко. Слышно, как там раздаются офицерские команды. Слышно, как говорят, поют, играют на губной гармошке. Иногда над бруствером покажется каска, иногда замелькает сапёрная лопатка, выкидывающая землю. Значит, там прошёл солдат; значит, там углубляют окоп.

Там, в этой линии, нужно высмотреть для себя самую важную и уязвимую точку. Может быть — место, где особенно часто мелькают солдатские каски; или подозрительно темнеющий бугорок, потому что он может оказаться замаскированным снайпером или пулемётчиком; их надо выследить и обязательно «снять». Выстрел. В оптическое стекло видно, как упал враг. Но оттуда звучали ответные выстрелы или начинали бить миномёты.

Так шли за днями дни: тёплые — летом, промозглые — осенью, ледяные — зимой. К новому, 1944 году на счету у Лии уже было около восьмидесяти фрицев. Никто давно не считал её «воробышком» или «малышкой», а если и случалось, что так называли, то лишь ласково.

Советская Армия продвинулась на запад Псковской и Калининской областей. Впереди была Прибалтика. Но тем яростнее сопротивлялся враг. Родную землю приходилось отвоёвывать у него в тяжёлых боях.

В январе жестокое сражение разыгралось недалеко от станции Насва, тогда Калининской, а теперь Псковской области. Небольшая деревня Казачиха переходила из рук в руки несколько раз. Наши бойцы то поднимались в атаку, то отходили назад. Они ничего не могли поделать с врагом, который занимал удобную позицию на высотке и держал атакующих под шквальным огнём артиллерии, танков и автоматов. Вот и снова цепи залегли в снегу, в открытом поле. И казалось, нет силы сдвинуть людей с места. В военных донесе-

ниях того времени это называли: «атака захлебнулась».

Сейчас эта захлебнувшаяся атака была роковой. Люди лежали прямо под огнём, в каких-нибудь сорока метрах от вражеских траншей, идущих по огородам за околицей деревни. Ещё немного — и никто уже никогда не поднимется, навсегда останется здесь лежать, потому что всю цепь перебьют. А идти вот так, навстречу смертоносному огню,

уже не было сил. Гибель грозила батальону, а вместе с ним дело оборачивалось очень плохо и для всей бригады.

Лия Молдагулова и Надя Матвеева залегли вместе, около какого-то одинокого тополя. Тянулись тягостные мгновения. Дальше так не могло оставаться. И тогда Лия сказала подруге:

— Что-то надо делать... Кажется, пришла моя очередь.

И, не дожидаясь ответа, она выпрямилась во весь рост и громко сказала, подбадривая себя:

— Я маленькая, но я не побоюсь!

И потом, уже на бегу, крикнула:

— За Родину! Вперёд!

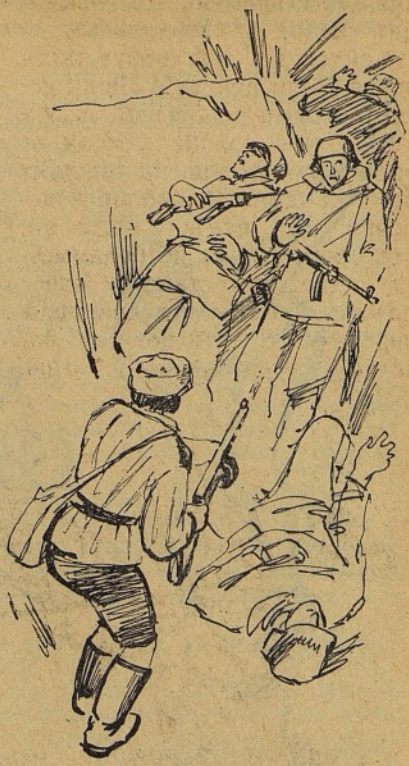
Она бежала навстречу пулям и разрывам, и ни одна пуля никак не могла её задеть! Тогда стали подниматься и другие. Сначала побежали бойцы отделения автоматчиков старшего сержанта Неруша, за ними поднялась вся рота, и наконец в атаку пошёл батальон.

А маленькая фигурка Лии уже мелькнула у края немецких траншей и скрылась там. Эта юная девушка сумела воодушевить всех солдат, закалённых мужчин. Она и оружием владела великолепно. Ворвавшись в траншею врага, она стала прокладывать себе путь очередями из автомата. Но тут неожиданно вынырнул откуда-то немецкий офицер. Как кошка, прыгнула к нему Лия. Но было поздно. Офицер выстрелил в упор. Падая, Лия успела ещё дать очередь по фашисту. Он упал, убитый на-

повал, но и девушка была смертельно ранена. А через несколько минут наши завладели этой деревней — уже насовсем, и враг был изгнан оттуда навсегда.

Лия умерла у околицы деревни Казачиха, на руках у своей подруги — снайпера Нади Матвеевой. Надя и бойцы похоронили Лию тут же, на берегу речки Смердели, и там рядом росла одинокая берёза, а в нескольких шагах — рощица сирени.

Много лет спустя местная жительница бабушка Наталья и ещё один старичок рассказали красным следопытам, как солдаты хоронили Лию, и показали в точности то самое место. Они говорили, что всё хорошо запомнили и ни с кем спутать девушку не могли бы, потому что она была очень молоденькая, тоненькая и черноглазая. Её все очень жалели, плакали над могилой.



Рощица сирени и сейчас стоит на том самом месте. Но могилки уже нет. Прах юной героини перенесли на братское кладбище у деревни Монаково, Насвинского сельсовета.

Много людей приезжает сюда с разных концов страны. Приезжают боевые друзья павших героев и красные следопыты. Приходят местные жители. Они приносят цветы и подолгу стоят перед обелиском, на котором, среди других имен, высечено: Алия Молдагулова. Лия, так называли ее по-русски.

Борис РАЕВСКИЙ

Рисунки В. Адаева

ПЛИТКА ШОКОЛАДА

Олегу Гончаренко — трёхкратному чемпиону мира

ОТЕЛЬ «УНИВЕРСАЛЬ» — маленький и уютный. Обычно добрая половина его пустует. Но сейчас, накануне первенства мира, все номера были заняты. Только в двадцать втором номере — никого. Ходили слухи, что туда наведывается привидение. Шведы не так чтоб очень суеверны, но на всякий случай...

Едва советская команда поселилась в «Универсале», сам хозяин гостиницы — грузный, добродушный и не по-шведски говорливый — сообщил Олегу о тайне двадцать второго. Рассказывал со смешком, но притом с такими выразительными подробностями... Не понять: сам-то верит или нет?

Олег весело предложил:

— А давайте я туда переселюсь?! Так сказать, в порядке борьбы с предрассудками.

Но тренер Валерий Павлович нахмурился:

— Не дури...

Олег усмехнулся. Неужто и Валерий Павлович... на всякий случай?!

Мистеру Бергману, хозяину гостиницы, сразу пришёлся по душе русский чемпион. Олег высок и длинноног. Узок в талии, широк в плечах. Классический тип многоборца.

Кто из шведов не любит коньков?! А мистер Бергман, — да, да, не глядите, что он сейчас так толст! — мистер Бергман и сам в юности неплохо бегал пятисотку. Конечно, в свои сорок девять он уже забыл то удивительное, ни на что не похожее ощущение, когда послушные стальные ножи плавно и стремительно режут лёд. Но бо-

лельщиком мистер Бергман останется до гроба. Болельщиком истинным, рьяным, отлично знающим всех сколько-нибудь приметных скороходов.

Хозяин гостиницы словно бы прилип к Олегу Гореву. Стоило тому показаться в коридоре, холле, возле стойки портье — мистер Бергман оказывался тут же. Нет, никаких дел. Просто приятно побеседовать с прославленным скороходом.

Они деловито и дотошно обсуждали шансы всех претендентов: и земляка мистера Бергмана — уже немолодого сухопарого Артура Стивсгруда, и самонадеянного голландца Макса Брюгге, и двадцатилетнего американца — «чёрную стрелу» — Боба Гриффитса. И многих других. И всегда разговор заканчивался одинаково. Мистер Бергман, дружески похлопывая по плечу Олега, гудел:

— О нет, нет! Дизэ ярэ, я хочу говорить, сегодняшний год — руссиш ярэ. Руссиш голд. Как это? А-а! Руссиш золото! Нет, нет. Это есть непременно. Бештимт.

Они всегда так объяснялись: смесь исковерканного русского со столь же исковерканным немецким. Но как иначе? По-шведски Олег знал всего лишь несколько слов: «спасибо», «сколько стоит?», «дайте мне, пожалуйста». Хорошо ещё, Бергман хоть чуточку говорил по-русски.

До начала первенства оставалось два дня.

Вечером, после тренировки, Олег сидел в маленьком холле и листал журнал. Мистер Бергман вскоре оказался тут же. Посидели, поговорили. О том, о сём. Больше всего, конечно, о предстоящих стартах. Насчёт первого места мистер Бергман не сомневался: его займёт Олег.

— Нет, нет, скромность — это есть хорошо, но слишком много скромность — это уже есть нехорошо!

Кто месяц назад стал чемпионом Европы? Оло Горев? Кто на первенстве Советской России показал лучшее время года? Оло Горев. Нет, тут всё ясно. А вот кто получит серебро и бронзу — это вопрос. Большой вопрос.

И мистер Бергман и Олег Горев называли нескольких претендентов. Но, к сожалению, не русских. Тут они оба были единодушны.

Да, два остальных члена советской команды — Борис Зыбин и Борис Чулков — не могли рассчитывать на успех. В первенстве Европы «Два-Бориса-Два» (так шутливо звали их друзья) заняли лишь пятое и восьмое места. А тут — первенство мира!..

Вспомнив Зыбина, Олег усмехнулся. Настырный парень! Перебрался-таки в двадцать второй номер. Как узнал о привидениях — сразу загорелся: хочу туда!

Что с него взять? Девятнадцать лет человеку. Мальчишка!

— Храбрый юнош! — улыбнулся мистер Бергман.

В холле, рядом с хозяином гостиницы, на пухлом ковре, как всегда, полулежал пёс, холеный дог — Билл. Рослый и сильный, худощавый, пепельной масти, он почти не отлучался от хозяина.

Олег с детства любил собак. И в «Универсале» сразу завёл дружбу с Биллом. Гордый дог, не принимавший даже самых лакомых кусочков ни от кого из постояльцев, милостиво разрешал Олегу подкармливать себя. Вот и сейчас: Олег зашёл в бар, хотел купить какие-нибудь сладости для Билла. Но мистер Бергман замахал руками:

— Никаких покупать! Я есть дарю. Презент!

Он взял со стойки самую большую плитку шоколада в яркой, красной с золотом обёртке и протянул Олегу.

— Презент! — повторил он и галантно прижал руку к груди.

Что было делать? Олег взял шоколад, поблагодарил.

Беседуя с мистером Бергманом, он отламывал дольки от плитки и бросал Биллу. Тот ловил на лету, ел, щуря глаза от удовольствия. Мужчины посмеивались: Билл был сладкоежка и больше всего на свете любил шоколад.

Между прочим, Олег Горев тоже был сладкоежка и тоже любил шоколад. Он бросал дольку Биллу и тут же клал другую себе в рот. Опять Биллу, и опять себе. Да здравствует справедливость!

Мистер Бергман от шоколада отказался; надув щёки, похлопал себя руками по широким бёдрам: мол, и так слишком толст.

Но вот последний кусочек исчез в пасти Билла, Олег посмотрел на часы и встал. Тренер не терпел, когда нарушали режим.

— Скорых секунд! — на прощанье пожелал хозяин гостиницы, будто Олег направлялся на старт, а не в кровать.

— Благодарю!

Номер Олега был красивый и удобный, с широкой кроватью, с ванной и мягким, во весь пол, ковром.

К хорошему привыкаешь быстро. И Олег Горев, конечно, тоже уже привык и к полётам на скоростных чудо-самолётах, и к заграничным городам, большим и маленьким, к комфортабельным отелям, к овациям и своим фотографиям в газетах всего мира.

И всё-таки нет-нет да и вспыхивало в нём удивление. Как это случилось? Он, самый обычный ученик столярного РУ № 7, до шестнадцати лет никогда не выезжавший за пределы своей Вологодчины, вдруг каким-то чудом словно перенёсся в другой мир.

И всё это сделали коньки...

...Проснулся Олег среди ночи. Не сразу понял, что случилось. Сон страшный, что ли? Казалось, кто-то в бешеной ярости разодрал ему надвое живот и теперь грызёт внутренности.

Он открыл глаза, сел. Но сон почему-то не кончался. Наоборот, в животе так свирепо резануло, — Олег чуть не закричал.

С трудом нащупав в темноте язычок выключателя, зажёг свет.

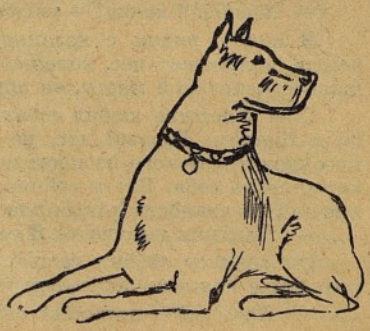
Несколько секунд посидел, прислушиваясь к самому себе. Вроде бы всё в порядке? Да, в порядке. Что же это такое было? Наваждение какое-то... Или почудилось?

И вдруг — снова... Так кольнуло в паху — словно насквозь пронзило. Олег скрючился, схватился обеими руками за живот. Пот выступил на лбу.

«Разбудить тренера? Нет, подожду, может, само пройдёт».

Но не прошло. Боль шла приливами. Олег подождал, пока схлынула очередная волна, накинул на плечи халат и, держась за стенку, босиком вышел в коридор.

Валерий Павлович жил на том же этаже, слева, через два номера. Олег стукнул к нему и, не дожидаясь ответа, чувствуя, что в живот снова вонзился огромный бурав и ввинчивается, разрывая всё там, внутри, — забарабанил кулаком.



Он уже почти терял сознание, когда из номера выскочил тренер.

— Что? Что? — вскрикнул он и, подхватив Олега, втащил его к себе. — Что? Говори же! Что? — тревожно повторял он, укладывая Олега на диван.

Но что Олег мог сказать?

Торопливо натянув пижаму, тренер выбежал в коридор и вскоре вернулся с Семёном Михайловичем — врачом команды.

Тот измерил давление, прощупал живот, выслушал, выстукал Олега.

— Рвоты были?

— Нет.

— Видимо, всё-таки отравление. Съел что-то... — Врач сделал неопределённое движение рукой и пошёл к себе в номер за лекарствами.

Его диагноз подтвердился тотчас.

Внизу, возле стойки портье, слышался шум. Мистер Бергман, полуодетый, взволнованно говорил с кем-то по телефону.

Увидев советского врача, хозяин гостиницы бросился к нему:

— О, доктор! А в собак вы тоже немножко понимайт? О, мой Билл! Какой несчастье! Мой Билл хочет умирать!

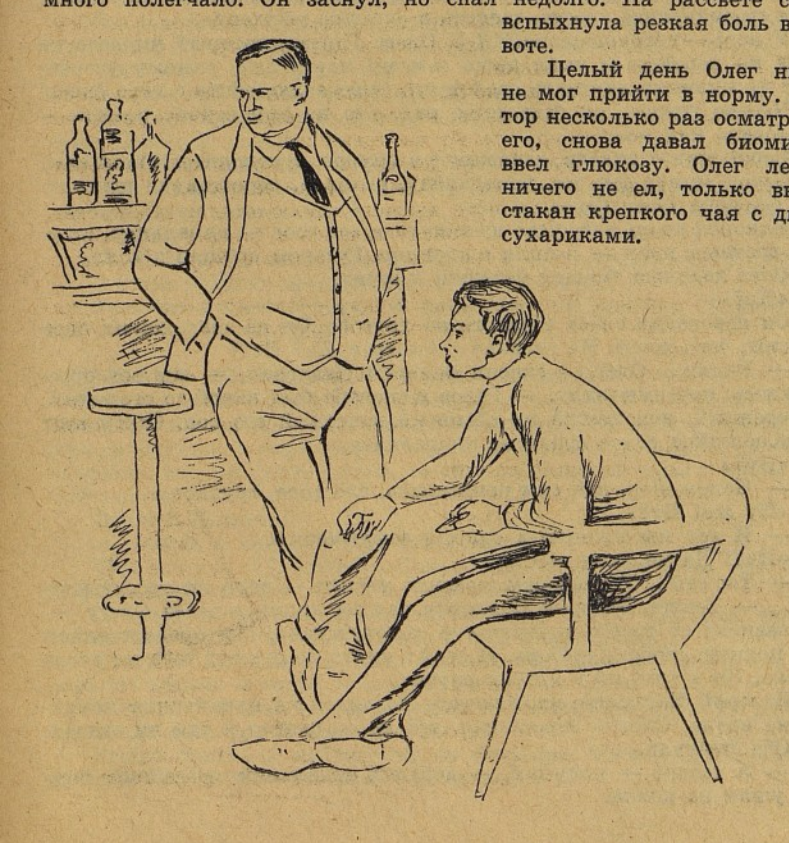
Узнав, что у доктора сейчас пациент поважнее Билла, хозяин всплеснул руками:

— Оло?! О! Теперь я всё понимайт! Это шоколад! Бештимт. Они вместе кушал один шоколад.

Вероятно, так оно и было. Отравление шоколадом.

Доктор сделал Олегу промывание желудка. Потом дал слабительное. Потом — двойную дозу биомицина. Больному, кажется, немного полегчало. Он заснул, но спал недолго. На рассвете снова вспыхнула резкая боль в животе.

Целый день Олег никак не мог прийти в норму. Доктор несколько раз осматривал его, снова давал биомицин, ввел глюкозу. Олег лежал, ничего не ел, только выпил стакан крепкого чая с двумя сухариками.



Утром доктор поставил Олега на весы, постукивая ногтем, передвинул сверкающую гирьку по стержню и вздохнул: семьдесят четыре двести. А обычный вес Олега — семьдесят семь. Почти три килограмма долой! За один день!..

Доктор прошёл к начальнику команды. Они заперлись втроём — начальник, старший тренер и врач. Спортсмены понимали: за дверью решают — выступать Олегу или нет?

Не такой-то простой вопрос.

С одной стороны, Олегу Гореву выступать совершенно необходимо: он — единственный советский спортсмен, имеющий все шансы на золото. С другой — выступать Олегу Гореву категорически нельзя. После отравления он, конечно, не в форме. И, очевидно, покажет плохие секунды, осрамит себя и свои гордые титулы.

Вот и реши!..

Олег в это время играл с Зыбиным в шахматы. Скорее, даже не играл, а, сидя в холле, механически переставлял пластмассовые фигурки. Думал: «Выступать? Отказаться?» До старта оставалось всего каких-нибудь два часа, а он ещё так и не знал: «Выступать?» Вчерашняя слабость прошла. Но осталась какая-то вялость, как после долгой бессонной ночи. Вялость и нерешительность...

Это у него-то, у Горева, нерешительность?! У него, которого друзья называли «пушкой»? И даже завистники (их у любого чемпиона всегда хватает!) сердито говорили про него — «лихач!». И в этом слове смешивались злость, зависть и скрытое уважение.

У него — нерешительность? У Олега Горева, который никогда не робел на дорожке и умел даже самому маститому, самому уверенному противнику навязать свой темп, свою волю, сбить с него спесь!

Честно говоря, он был даже рад, что не ему сейчас решать — стартовать или нет.

Сорок минут сидели, запершись в номере, руководители команды.

Сорок минут тут же, неподалёку, в холле, переставлял шахматные фигурки Олег Горев.

Наконец дверь негромко щёлкнула и все трое — начальник, старший тренер и врач — вышли в коридор. Гуськом прошли в холл.

Олег ладонью смешал фигурки и встал.

«Ну?»

Он переводил глаза с одного на другого. Он не знал, каких слов он ждёт, чего хочет. Но главное — быстрее. Да? Нет?

— Видишь, Олег, —сказал Валерий Павлович, — мы вот посовещались, поразмыслили. — Голос у тренера был какой-то странный, неуверенный, непохожий на обычный властный его тон. Олегу этот колеблющийся голос сразу не понравился.

«Ну?»

— Положение, как сам понимаешь, сложное, трудное...

«Ну же! Ну?»

— И вот мы пришли к такому заключению...

«Ну?! Да не тяни же!..»

— Ты сам... Только сам можешь решить — надо ли тебе выступать... — Теперь Валерий Павлович глядел прямо в глаза Олегу. — Всё зависит от твоего внутреннего самочувствия. Мы предоставляем тебе полную свободу выбора. И знай: никто не скажет тебе ни слова упрёка. Ни в том, ни в другом случае.

Валерий Павлович остановился, поглядел на начальника команды, на врача. Словно спрашивал, всё ли он сказал и так ли сказал.

Оба кивнули.

— А теперь — подумай, — добавил начальник, и все трое гуськом ушли из холла.

Олег так и остался стоять возле столика с разбросанными шахматными фигурками. «Вот так голова два уха!»

Этого он никак не ожидал. Был твёрдо уверен, что «начальники» что-то решат. Так или иначе, но решат... А тут...

Он ушёл к себе в номер, сел у окна.

«Итак...»

Мыслей было много. Противоречивых. Разных. И за и против. Чем больше он углублялся в них, тем больше запутывался. Как в подземных пещерах. Он однажды бродил в подземных пещерах. Чем дальше, тем страшнее. И тем труднее выбраться...

«При чём тут пещеры?» — сердито одёрнул он себя.

Хороших секунд, конечно, нынче не покажешь. В газетах пойдут охи да вздохи. Такой конфуз. А самый прыткий комментатор изречёт: «Закат чемпиона!» Или так: «Недолгая слава». Да, что-нибудь в этом роде. Красивое и хлёсткое.

Не бежать? Обидно, конечно. Столько готовился. Но зато — без позора. Болен — и всё. Болен — и точка. Зрители будут даже сочувствовать ему: бедненький, как не повезло!..

Он встал, походил по номеру, снова сел.

И всё-таки... Если бежать — есть маленький шанс. Малюсенький. «А вдруг — хорошо пройду? Вряд ли... Ну, а вдруг?»

Он снова вскочил, забегал по номеру.

Да, шанс всё-таки есть. Один процент. Нет, пожалуй, процентов пять. На злости. И на технике.

Он задумался и вдруг увидел... Торжественный пьедестал. Три ступеньки. Три спортсмена. И ни одного — советского.

«Вот тебе и голова два уха!»

Как же так? Три... И ни одного советского.

Именно. «Борисы» — они не тянут. А он — он болен. Не участвует. И всё. И конец.

И тут же пришло решение. Ясное. Чёткое.

Чёрт с ним, с позором! Чёрт с ними, с журналистами и комментаторами! Надо стартовать! А вдруг... Ну, не золото, хоть серебро... Ну, хоть бронзу!

Он глянул на часы. Ого, в обрез! А необходимо ещё размяться.

Быстро уложил чемоданчик, вышел в холл.

Там его словно ждали. И начальник, и Валерий Павлович, и врач, и «Два-Бориса-Два».

БЫВАЮТ ЛИ ЧУДЕСА? Говорят — бывают.

И в спорте — тоже. Миллионными тиражами отпечатано в популярных брошюрках, как один лыжник, сломав лыжу, всё-таки дошёл до финиша и занял первое место; как гимнаст, тяжело раненный на войне, вернул подвижность своей искалеченной руке и вновь стал чемпионом.

Значит, бывает...

А может, и сейчас?.. Случится чудо?

Так думали «Два-Бориса-Два», стоя возле дорожки, где брала старт очередная пара: Олег и швед Стивсгруд.

Стадион насторожился, замер. Стадион ждал. Трибуны ведь не знали, что «русский Оло» вышел на лёд полубольной.

Стадион жаждал быстрых секунд. Недаром же про этого Оло писали: «новая звезда», «скороход № 1».

И только стоявшая возле дорожки небольшая группка русских понимала весь драматизм этих минут.

Зыбин топтался неподалёку от стартера, тревожный и возбуждённый. Его черёд бежать ещё не скоро.

«Ай да Олежка, — думал он. — Всё-таки вышел на лёд! И внешне вроде бы даже незаметно... Уверенный, как всегда. Одно слово — пушка!»

И ещё один человек на трибунах сознавал весь драматизм положения: мистер Бергман.

Он очень переживал за «русского Оло». Полюбился ему этот парень. И кроме того, мистер Бергман отчасти чувствовал себя виноватым. Ведь это он в баре — шоколад. Презент! Хорошенький презент! Правда, вообще-то виноват не он, не хозяин гостиницы, а фирма кондитерских изделий. И всё же...

Он потом узнавал. Отравление шоколадом — редчайший случай. Отравляются консервами, рыбой, мясом. Но шоколадом? И всё-таки — бывает...

Вот и его Билл. Целые сутки собаку терзали страшные боли. Еле спасли.

А русские?.. Не подозревают ли они?.. Может, думают, что он нарочно?.. Подсунул шоколад...

От этой мысли мистера Бергмана бросало то в жар, то в холод. Он знал свирепые нравы «большого спорта»! Знал, что там делались штучки и похлеще.

И сейчас, на трибуне, мистер Бергман ёрзал от беспокойства. Он никому не сказал о болезни русского чемпиона. О, мистер Бергман — старый спортсмен! Он знает: о таких вещах не распространяются. Молчок. Секрет. Противникам нельзя этого знать.

Сухо щёлкнул пистолет стартера, и не успел еще игрушечный хлопок выстрела домчаться до трибун, как скороходы рванулись вперёд.

Стадион взревел. Зыбин на миг отвёл глаза от дорожки. Зрители орали, выли, молотили кулаками по дощатым стенкам трибун. Басом рявкала какая-то труба, кто-то истерически вопил: «Артур! Артур!» Слева хором запели — не то молитву, не то гимн.

Все знали: пятисотка — коронная дистанция «русского Оло». Он, конечно, обойдёт Артура Стивсгруда. Но не это волновало сейчас болельщиков. Время! Какое время он покажет? Удастся ему выйти из сорока секунд?

Об этом тревожился и Борис. Он видел: старт Олег взял хорошо. Казалось, его рывок слился с выстрелом. Уже после первых двухсот метров намного оторвался от шведа.

И только истинные ценители видели: нет, не то. Что-то происходит с этим русским. Его бегу не хватает обычной мощности, напора, темперамента.

И мистер Бергман, сжавшись от возбуждения в комок, сложив руки на груди ладонями вместе, будто он молился (а может, и впрямь молился?) — мистер Бергман тоже видел...

Оло идёт хорошо. И всё-таки... Нет, не то...

А Борис Зыбин словно не хотел замечать этого.

— Работай, Олежка! — возбуждённо шептал он. — Давай!

Но вскоре и он с горечью убедился: нет, не то...

И секундомеры холодно отметили: нет, не то. 42,2 секунды. Результат неплохой, но — не для Олега Горева. Обычно он укладывал эту дистанцию примерно в сорок секунд.

Две секунды, две драгоценные секунды потеряны.

А с ними — и все шансы на успех.

Да, впереди у него ещё три забега. Но, как у любого многоборца, у Олега были свои любимые дистанции. Те, где он особенно силён. И самая коронная — пятисотка. И вот — нá тебе!

Впрочем, всё закономерно...

Чудес на земле, видимо, нет.

Зыбин, как только Олег финишировал, ушёл в раздевалку и сидел в кресле уже одетый, готовый к старту (он бежал в одиннадцатой паре, и до забега оставалось минут пятнадцать). Сидел насупленный и тревожный. Да, он, как и все в команде, конечно, понимал: после болезни Олегу не показать хорошего результата. И всё-таки... Всё-таки где-то в глубине души Борис надеялся. Он уже так привык к поразительным победам Олега. И главное — знал его неистовое, фанатическое упорство...

Борис резко дёрнулся в кресле, даже пружины застонали.

Всегда за границей, на состязаниях, рядом с Олегом он чувствовал себя как за спиной отца. Да, как сын, пусть уже взрослый, но за спиной отца. Уверенно и спокойно. Отец не подведёт. Отец не растеряется в самой трудной схватке. С отцом — всё легко.

А сейчас — словно ты один. И надеяться не на кого. Надо самому, только самому...

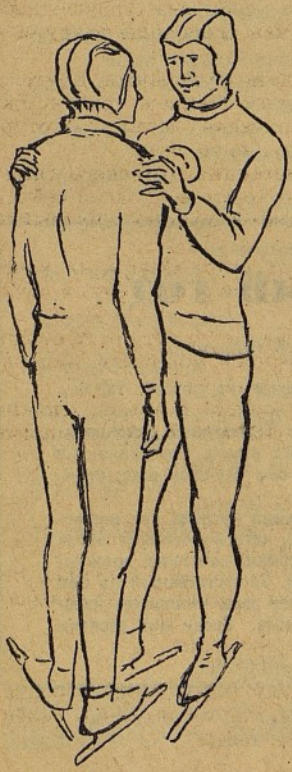
Да, конечно, — вся команда сейчас рассчитывает лишь на него. Всё-таки он пятый в Европе. Он — пятый. А тёзка — восьмой. Ясно?

...Борис глянул на часы. Пора. Встал, вышел на лёд. У дверей раздевалки стоял Олег.

Лицо у него было жёлтое. Даже сейчас, на морозе, не порозовело.

— Ну? — сказал Олег.

Он посмотрел Борису в глаза. Потом положил ему руки на плечи. Видимо, хотел что-то сказать, но лишь шепнул:



— Голова два уха, не дрейфь...

На старт Зыбин вышел в необычном состоянии. Он сам не мог бы сказать, что творится с ним. Всё смешалось: и ярость, и обида за Олега, и восхищение его мужеством, и какая-то окрылённость, и лихая упрямая жажда — победить! Непременно.

Может быть, это и зовётся вдохновением?!

Стартовый выстрел будто толкнул его в спину. Он рванулся, резко рубя коньками лёд, всё наращивая и наращивая скорость...

Он плохо помнил, что́ было дальше, ка́к он бежал. Он видел только: соперник сразу отстал. И слышал: болельщики почему-то орут и орут. Так орут и так дубасят ногами и кулаками по дощатым стенкам, — кажется, вот сейчас трибуны развалятся, обрушатся на лёд.

Его результат — 40,1. Неслыханные для Бориса Зыбина секунды! Он, кажется, сперва и сам не поверил. Но именно это время показал огромный электросекундомер в центре ледяного поля. Именно это время засекли и все три судейских секундомера.

Эти удивительные секунды громко объявили репродукторы. И они ярко вспыхнули на световом табло.

ЧЕМПИОНАТ МИРА кончился сенсационно. Прославленный советский конькобежец, чемпион Европы Олег Горев по сумме четырех дистанций занял всего лишь седьмое место. Это была «сенсация № 1».

А «сенсацией № 2» стал Борис Зыбин. Вовсе не выдающийся скороход вдруг занял второе место. Серебряная медаль!

Так бывают ли чудеса?

Видимо, всё-таки бывают!

В газетах всего мира писали о «загадочном русском», о спортивном счастье, о том, что «лёд скользкий» и прогнозы — дело весьма рискованное.

А «загадочный русский», смущённо отбиваясь он целой стаи наседавших журналистов, не мог ничего толком объяснить.

Неожиданной находкой для корреспондентов оказался мистер Бергман. Он подробно, с юмором, рассказал о злосчастной плитке шоколада. Теперь, после чемпионата, это уже перестало быть секретом. Рассказал он также, что Борис Зыбин жил в номере двадцать втором. Там, где привидения. Мистер Бергман предположил, то ли в шутку, то ли всерьёз: а может, этот номер — заклятый, не невезучий, а наоборот — счастливый? И впредь тому, кто намерен стать чемпионом, следует жить именно в этом номере?

Корреспонденты наперегонки строчили в блокнотах.

И в вечерних выпусках газет рядом с фотографией Бориса Зыбина было напечатано о плитке шоколада и о двадцать втором номере гостиницы «Универсаль».

Всюду учебный год

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

Парты не такие, как у нас, правда? И одежда не совсем такая... Но разве не ясно, что перед нами школьники?

Эти мальчики и девочки живут в столице Германской Демократической Республики. Сегодня у них урок русского языка. Посмотрите на лица. Сразу видно, что ребята увлечены. Ведь они изучают язык великого Ленина!

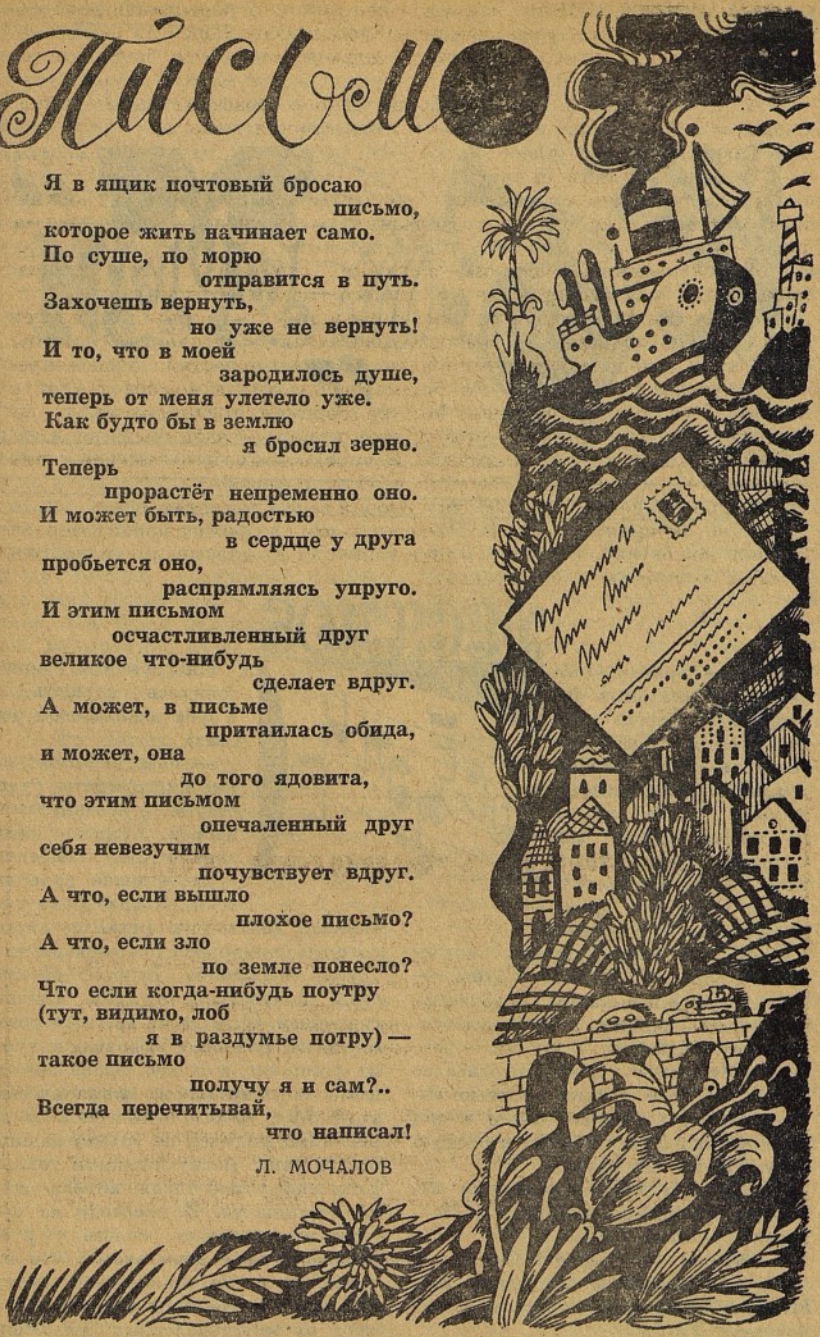
У наших друзей в ГДР имеется специальная награда для школьников — медаль Гердера. Её получают те ребята, которые отлично знают русский язык и активно работают в Обществе германо-советской дружбы.

Нижнее фото не нуждается в разъяснениях. Запечатлённый на нём урок открывает ворота в спорт. Ведь в ГДР более двух миллионов человек состоят членами спортивных обществ и клубов. Среди них десятки тысяч пионеров-тельмановцев.

Письмо

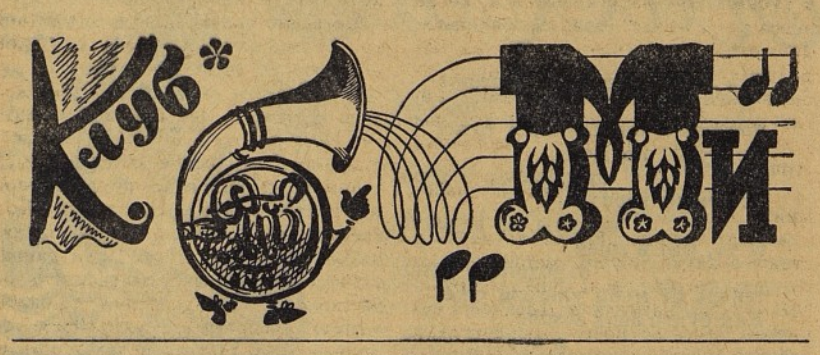
Я в ящик почтовый бросаю
письмо,
которое жить начинает само.
По суше, по морю
отправится в путь.
Захочешь вернуть,
но уже не вернуть!
И то, что в моей
зародилось душе,
теперь от меня улетело уже.
Как будто бы в землю
я бросил зерно.
Теперь
прорастёт непременно оно.
И может быть, радостью
в сердце у друга
пробьется оно,
распрямляясь упруго.
И этим письмом
осчастливленный друг
великое что-нибудь
сделает вдруг.
А может, в письме
притаилась обида,
и может, она
до того ядовита,
что этим письмом
опечаленный друг
себя невезучим
почувствует вдруг.
А что, если вышло
плохое письмо?
А что, если зло
по земле понесло?
Что если когда-нибудь поутру
(тут, видимо, лоб
я в раздумье потру) —
такое письмо
получу я и сам?..
Всегда перечитывай,
что написал!

Л. МОЧАЛОВ



Аркадий КЛЁНОВ

Рисунки Ю. Бочкарёва



ДЕСЯТОЕ

В предпраздничные дни у музыкальных инструментов всегда много работы. Особенно усердствовали медные духовые, среди которых звонкая Труба всегда на первом месте, как Скрипка среди струнных. И всё же инструменты выкроили время для очередного заседания.

— Вы не переутомились, коллега? — спросил Орга́н у Трубы. — Может, мы предоставим слово кому-нибудь из ударных, а ваше выступление отложим?

— Нет-нет! — звонко отозвалась Труба. — Мы, медные духовые, неутомимы. И в мирные дни и в дни военных тревог мы звучим в полную силу. Не так ли, друзья?

— Да, это так! — дружным аккордом отозвались фанфары — Валторна, Тромбон, Туба.

— Что ж, — прогудел Орган, — мы с удовольствием выслушаем вас. Итак, от имени медных духовых слово имеет Труба.

Инструменты приготовились слушать, и Труба начала свой рассказ:

— Мы, медные духовые инструменты, существуем с незапамятных времён. Морская раковина и рог свирепого тура — наши прародители. Когда люди научились делать из металла листы, которые ничего не стоило свернуть в трубу, наподобие рупора, рогатые туры почувствовали себя намного спокойней. Отныне их крепким рогам ничто не грозило, ибо звучание турьих рогов ни в какое сравнение не шло со звучанием металлических труб. Мы, трубы, отличаемся от деревянных родичей не только нашими блестящими металлическими телами. Есть ещё у нас такая хитрая штука — мундштук. В переводе на русский это означает «часть у рта». Впрочем, даже дети знают, что́ это такое. В любом пионерском отряде есть горн, и горнисты ревниво оберегают от многочисленных желающих

«подудеть» в небольшую трубку с наконечником наподобие рюмки. Это и есть мундштук. С его-то помощью и звучит труба. Мундштук прижимают к губам, губы натягиваются и, когда через них идёт воздух, начинают дрожать. В чашечке мундштука образуются завихрения, и в корпус трубы воздух поступает толчками. Тогда начинает звучать... Ка́к это вы удачно выразились, уважаемая Арфа?

— Воздушная струна, — напомнила Арфа.

— Вот именно. Начинает звучать столб воздуха внутри металлического тела трубы, воздушная струна. Мы, трубы, звучали в Древней Греции и Риме, во время празднеств и войн. Обычай открывать Олимпийские игры звуками фанфар не выдуман современниками. Он дошёл к нам как древнейшая традиция. Мы присутствовали на рыцарских турнирах и на пышных дворцовых приёмах, мы были вестниками торжества и печали. Мы стали источником радости для музыкантов, когда ярко звучали в оркестре. И в то же время мы были свидетелями их унижения по воле самодуров.

— Вы имеете в виду роговой оркестр? — понимающе заметил Орган. — Моё жалкое подобие!..

— Да. Существование таких оркестров — тёмное пятно нашей биографии. Это было давно, в годы царствования Елизаветы. Некий Иоганн Антон Мареш, приезжий из Дрездена, заведовал «охотничьей музыкой» у придворного вельможи Нарышкина. Что?.. «Охотничья музыка»?.. Сейчас объясню. Видите ли, в восемнадцатом столетии на охоту выезжали пышно, как на парад. И существовала целая система сигналов, которые передавались с помощью специальных охотничьих труб. Их, эти трубы, называли еще «охотничьими рогами», или «лесными рогами».

— Кстати, — вмешалась Валторна, — мое имя Валторна и происходит от слияния двух слов «вальд» — лесной и «горн» — рог. Я даже внешне напоминаю их.

— Ну, положим, в роговом оркестре трубы своим внешним видом скорее напоминали рупор, — заметила Труба. — А вы свернулись кольцом, как...

— Попрошу не уточнять, — сердито ответила Валторна.

Её вечно сравнивали то с улиткой, то со змеёй, свернувшейся кольцом, и ей это не очень нравилось.

— Хорошо, — поспешно согласилась Труба. — Не будем отвлекаться. Итак, охотничьи трубы были у Нарышкина в весьма запущенном состоянии. И вот Мареш решил привести их в порядок. Под его руководством трубы настроили — каждую на определённую ноту. Если раньше у Нарышкина было шестнадцать рожечников, то теперь пришлось «штат» крепостных музыкантов увеличить до девяноста человек, потому что изобретательный Мареш сумел так настроить инструменты, что разных звуков, издаваемых ими, оказалось девяносто. Самые большие трубы достигали нескольких метров длины. Самые маленькие были как трубка для курения. Причём каждый музыкант имел в руках только один рог. И вот, желая блеснуть усердием, Мареш продемонстрировал хозяину новый оркестр, который исполнял несколько музыкальных пьес. От исполнителей требовалось лишь одно — вовремя сыграть свою единственную ноту.

— Разве это так трудно? — спросил Барабан.

Инструменты заспорили, обсуждая вопрос Барабана.

— К чему споры! — остановила их Труба. — Вот вам задание. Попробуйте произнести слово... ну, скажем, слово «виолончель» таким образом, чтобы каждый из вас произносил только одну букву.

Инструменты попробовали, и у них ничего не получилось. То один запаздывал с очередной буквой, то другой. А когда наконец, после многих попыток, они вымолвили это слово, оно оказалось каким-то безжизненным, словно его выговорил какой-то иностранец.

— Убедились? — спросила Труба. — То-то. Можно себе представить, с каким «удовольствием» исполняли крепостные музыканты в

таком оркестре чудесные произведения Гайдна, Моцарта, Вебера... Впрочем, по свидетельству современников, звучал роговой оркестр довольно внушительно и даже не без приятности.

Чего и дикия животны убегали,
В том слухи нежные приятности
сыскали.

Так писал о роговом оркестре Ломоносов.

Сейчас оркестр рожечников вспоминают как печальный курьёз, и инструменты рогового оркестра перекочевали в музеи. Ведь любой из нас, медных духовых, в состоянии один извлечь почти такое же количество звуков, как несколько десятков рогов. Уже не говоря о том, что наши тембры куда богаче и разнообразней. У меня — самый яркий, звонкий, у коллеги Валторны — самый мягкий, певучий, у коллеги Тромбона самый мощный и в то же время самый гибкий голос.

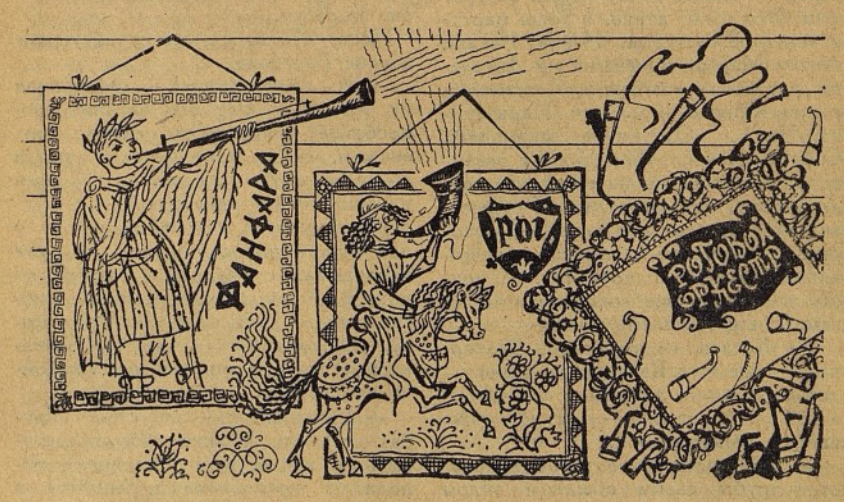
— Да, — согласился Тромбон. — У меня есть так называемая «кулиса» — выдвижная трубка, которая меняет длину воздушной струи очень плавно, скользя. А значит, и высота звука меняется тоже мягко и плавно.

— Не будем забывать и тётушку Тубу, — заметила Труба. — Тётушка Туба не отличается особенно мелодичным голосом и любит только поддакивать, когда мы играем. Но её низкий голос поддерживает наши голоса, как фундамент поддерживает и несёт на себе весь дом.

— А как меняется высота звука у медных духовых? — спросил Альт. — У деревянных духовых — отверстия и клапаны. А у вас?

— Что касается Тромбона, то вы уже слышали, что у него есть скользящая трубка. А вот что касается остальных, то тут дело сложнее. Представьте себе коридор в форме буквы «Р». По нему гуляет ветер. Если закрыть двери в полукруглый завиток коридора, ветер побежит прямо. А если дверь в завиток открыть, то ветер может пройтись по коридору более длинным путем: первую половину пути — по прямой, а вторую часть пути — по завитку. Вот так, примерно, устроены и трубы. У них много всяких завитков, которые перекрыты механическими заслонками — «вентилями». Воздух может идти разными путями — длинным или коротким. Самый длинный путь даёт самую низкую ноту, самый короткий — самую высокую. Ведь и короткая струна звучит выше. Понятно?

— Конечно! Всё ясно! — отозвались инструменты.



— Ну и прекрасно. А теперь я хочу рассказать вам одну историю, свидетелями и участниками которой были медные духовые инструменты. Слышала я этот рассказ от одного пожилого музыканта, которому чудом удалось во время войны спастись от смерти в концентрационном лагере. Вы, наверное, слышали, что в такие лагеря фашисты сгоняли во время Великой Отечественной войны нашего народа всех, кто боролся против насилия и зверств гитлеровцев. Вот рассказ человека, которому пришлось многое пережить в эти годы. Этот рассказ называется:

ГИМН во время расстрела

Первый побег из лагеря закончился неудачно, и мы остались без отличных ребят. Куда уж хуже быть настроению людей в лагере смерти, но оно совсем упало после гибели наших друзей. И всё же мы продолжали поддерживать связь между бараками и держали в лагере наш, неведомый фашистам, внутренний порядок.

Душой и организатором всех сил внутрилагерного сопротивления был Александр Клименко. он был старшим лейтенантом, о чём, разумеется, фашисты не знали, а из наших знали очень немногие. Узнай фрицы, что он советский офицер, — и прощай наш Саша. Было Клименко лет тридцать пять. Он имел за плечами нелёгкую жизнь, начал её беспризорным. Потом — встреча с Дзержинским, годы труда и учёбы. Закончил юридический факультет университета, стал юристом и... поступил в консерваторию. Мне потом, после войны, рассказывали его друзья, что одарён он был как музыкант необыкновенно. Как раз перед началом войны он собирался защищать диплом дирижёра-симфониста. Как подающему большие надежды, ему предлагали остаться в тылу. Но он прожил в тридцатых годах несколько лет в Германии и в совершенстве знал немецкий: особенности произношения, акценты, интонации всех областей Германии. У него была потрясающая слуховая память. А слышал он, братцы! Не совру: как кошка! Уши ему глаза могли бы заменить. Ну и конечно, с таким слухом да не стать разведчиком! Надевал немецкую солдатскую форму и ходил в такие рискованные рейды, что легенды, которые о нём сочиняли, были ничто в сравнении с действительностью. Однажды он попался. Естественно, на допросе скрыл, что офицер. Объяснялся с немецким полковником по-немецки, и тот растрогался. А дело в том, что когда Саша начинал говорить по-немецки с каким-нибудь немцем, у него совершенно непроизвольно речь перестраивалась в тот же лад, что и у собеседника: те же интонации, то же произношение. А допрашивавший его полковник был родом из какой-то провинции, где произношение было отличное от других. Вот и растрогался полковник. Одним словом, «культурный» немец попался. Учёл Сашины таланты и вместо расстрела отправил в лагерь особого режима. Там-то мы и встретились.

Как-то раз заходит к нам в барак надсмотрщик. Это уже после неудачного побега было. Заходит и спрашивает, кто, мол, из вас «шпилен» — играть умеет. И так это приставил руки ко рту: «тр-ру-р». А Клименко, между прочим, как и полагается настоящему дирижёру, почти всеми инструментами прилично владел. Ну и говорит немцу, что умеет. Немец ему, значит, командует выйти из барака и ведёт к коменданту. А тот, подлец, оказывается затеял для полного своего удовольствия создать лагерный оркестр. Раздобыл комплект духовых инструментов и решил, что под звуки патриотических немецких маршей заключённые будут веселей

и продуктивней работать во славу и на пользу рейха. Ну и приказывает Клименко обучить группу узников в течение месяца. Саша ему на чистейшем немецком излагает условие — твёрдо и решительно — усилить музыкантам питание, так как исполнение на медных духовых требует значительных физических усилий. Тот согласился, но сказал, что, если через месяц оркестр не будет играть так, как требуется, он прикажет всех музыкантов повесить.

Саша отобрал тех ребят, которым было особенно худо, чтобы музыкантская надбавка к лагерной пайке помогла им хоть немного. Стали они заниматься. Сам комендант изредка заходил послушать и подгонять. А Саша обстоятельно объясняет, что, дескать, хоть и отобрал людей самых способных, но что поделаешь — объясняться трудно. Один — испанец, другой — венгр, третий — поляк... А когда тянуть уже было невозможно, Клименко и сказал надсмотрщику, что уже можно играть. Тот прохрипел своё «гут» и пошёл докладывать.

Стали мы разбирать ноты, которые нам дали. Музыка всё паршивенькая, крикливая. Так и проглядывает сквозь неё остроносая крысиная морда фюрера. Но комендант рад. А мы тем временем ребят, которые послабей, подкармливаем из наших пайковых надбавок. Комендант всё новые ноты нам достаёт, и мы до одури играем то для той группы, что камни таскает, то для тех, что траншеи роют, — целый день. Никогда не думал, что можно так возненавидеть музыку.

Потом как-то высшие чины приехали лагерь проверять. Очень довольны были. Образцово-показательный лагерь. Никакого шума, кроме музыки. А мы тем временем крупный побег готовили, делали подкоп. Осень приближалась, туманы, но всё равно дело было очень рискованное. На каждые сто метров ограждения — немец с собакой. А мы решили приурочить наш побег к седьмому ноября, но пришлось поторопиться, — намечался тщательный обход — проверка лагеря. Мы срочно вынули последнюю землю и ночью, в заранее установленном порядке, поползли. Восемь человек ушло, когда собаки нас учуяли. Подняли тревогу. Подкоп обнаружили, сделали тут же перекличку, и восьмерых недосчитались. Начались допросы с пристрастием. Несколько человек не вернулось. А потом выстроил нас комендант, ткнул наугад пальцем в одного, другого, третьего... Вызвал восемь человек и велел поставить к стенке, но в последнюю секунду вдруг остановил казнь. Надумал что-то, и приговорённых к расстрелу увели.

На следующий день вызывает комендант к себе Клименко и говорит, что у вас, мол, у русских, через день праздник. Так вот, праздничным днём мы и расстреляем приговорённых, а вы будете в это время исполнять вот это... И протягивает ноты нацистского гимна... А все заключённые должны будут кричать громко «хайль Гитлер». Клименко, ни слова не говоря, взял ноты и вышел.

— Вот что, ребята, — сказал он, когда пришёл в барак. — Мы, конечно, сделаем вид, что учим эту паучью музыку. Но в бараке ночью мы будем учить другое. Кто не хочет, пусть скажет сразу. Аплодисментов не будет, как бы хорошо мы ни исполнили нашу музыку. Это, наверное, наше последнее выступление.

И все ответили «да», когда он произнёс слово, понятное всем без перевода.

Это была самая трудная работа, какую мы когда-нибудь делали. Саша объяснял нам буквально на пальцах все наши оркестровые партии. Мы не могли выучить это на репетиции. Все ноты, все паузы мы должны были держать в голове. Мы не могли ни разу сыграться, чтобы проверить, что́ у нас получается. Это Саша с его замечательным слухом мог внутри слышать все голоса оркестра. А мы ведь не были музыкантами. Мы и более простую музыку играли совершенно механически, как если бы срисовывали с книжки непонятные формулы. Мы только запоминали, когда и какой клапан нужно нажать. Это

было адски трудно. Но каждый из нас знал, на что идёт, и относился к этому, как к боевому заданию.

И вот настало седьмое ноября. Нас всех вывели рано утром из бараков и построили. Потом выделили группу оркестрантов и дали инструменты. В нас комендант был уверен. Он сам приходил к нам на занятия и слышал, как мы играли отрывки из нацистского гимна. А мы стояли бледные и напряжённые. Сейчас должны были вывести наших товарищей и у нас на глазах расстрелять их. В глотке у каждого из нас стояла ярость. Ах, если бы в наших руках было оружие, а не эти бессильные медяшки!

Их вывели. Они еле держались на ногах. Восемь смертников. И никто не знал, что тут же находятся ещё двадцать человек, которые тоже встречают свой последний день. Знали только мы, оркестранты, потому что этими смертниками были мы.

Комендант взял на себя роль дирижёра. По его команде должны были грянуть одновременно залп и первый аккорд духового оркестра. Саша Клименко оглянулся на нас и сказал:

— Ребята, у нас в руках оружие. Мы тоже должны дать залп. Держите себя в руках. Играть, как в Колонном зале.

И когда серый рукав со свастикой мелькнул в воздухе и грянули выстрелы, над лагерем взвился первый аккорд «Интернационала». Мы играли его с такой яростью, с таким подъёмом, что все вокруг оцепенели. Прежде чем фашисты успели сообразить, что это, во-первых, не нацистский гимн, а во-вторых — «Интернационал», все вокруг уже пели во всю силу лёгких. Что-то орал комендант, выхватывая пистолет. Его никто не слышал. Когда растерявшиеся гитлеровцы наконец поняли, что нужно стрелять, остановить нас уже было нельзя. Люди падали, но продолжали петь. Пули попадали в наши инструменты, но мы продолжали играть. Потом с последним припевом весь лагерь двинулся вперёд...

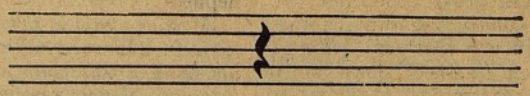
В тот день было убито около пятисот человек. Двое из оркестра остались живы. Нас не тронули и потом просто по случайности. Дело в том, что в оркестре было несколько человек, которые от раза к разу менялись. А фашистам и в голову не пришло с утра проверить, кто в тот день вышел на плац. Те, кто обычно заме-

нял нас, были убиты в толпе, окружившей оркестрантов. Когда наш гимн был закончен и нас стали оттеснять к баракам, мы бросили свои простреленные и помятые трубы. Конечно, и нас рано или поздно расстреляли бы. Но комендант не успел свести с нами счёты. За эту демонстрацию в лагере он получил от своих хозяев. И наверное — не орден.

А Саша Клименко... Александр Клименко... Что ж, в его память — лишь мой рассказ. И ещё — моя работа военного дирижёра. Ведь до войны я в руки не брал ни одного музыкального инструмента.

— Вот такая история, — закончила рассказ Труба. — Вы помните знаменитую картину «Интернационал»? На ней изображён человек в солдатской форме. Он твёрдо стоит и держит, как знамя, свою тяжёлую тубу. Он, наверное, остался один, и через несколько секунд пуля оборвёт так и не доигранный до конца гимн революции. Эта картина — памятник всем тем, кто сжимал в руках свой музыкальный инструмент, как оружие. Это памятник тем, кто в годы блокады в осаждённом Ленинграде исполнял героическую «Ленинградскую симфонию» Дмитрия Шостаковича. Это памятник Песне, которая вела солдат в бой, памятник Мужеству.

И в торжественной тишине звонко зазвучали фанфары.



ПЕРО И КНУТ

КНИГА, которая уже прожила четверть тысячелетия, но продолжает нести радость открытий всё новым и новым поколениям юных читателей — поистине счастливая книга. Вряд ли найдётся человек, с детства не знавший и не любивший «Робинзона Крузо». «Робинзон» увидел свет ровно двести пятьдесят лет назад, в 1719 году. Однако мало кто читал не менее захватывающий приключенческий роман, каким являлась жизнь самого автора этой книги — Даниеля Дефо.

Нет, он не терпел кораблекрушений, как Крузо, не сражался с каннибалами и почти всю свою жизнь безвыездно провёл на давно обитаемых Британских островах. И всё же его жизнь была столь необычна, что дала повод одному учёному озаглавить свою книгу о нём так: «Жизнь и приключения Даниеля Дефо, автора „Робинзона Крузо"»...

Дефо жил в бурную эпоху, которая последовала за английской буржуазной революцией XVII века. Он родился в семье лондонского бакалейщика и торговца свечами Джеймса Фо в 1660 году. Уже значительно позже, когда он стал близок к королевскому двору, Даниель сам присоединил к своей простонародной купеческой фамилии Фо аристократическую частицу «де». Сочинил он себе и герб, и латинский девиз. Хотя это не делало самозванного дворянина аристократом, зато вызывало постоянные издёвки и уколы со стороны его врагов.

А врагов у Дефо хватало. И личных, и политических, и религиозных. Всю жизнь ему пришлось лавировать между ними как на острие ножа...

Получив весьма хорошее по тому времени образование, Даниель в шестнадцать лет стал, как и его отец, коммерсантом и проявил в этом деле незаурядные способности. В восемнадцать лет он уже самостоятельно заключал крупные сделки и вскоре начал объезд торговых портов Англии и Европы. Дефо побывал в Португалии, Испании, Италии, Франции, Германии, Голландии.

Вернувшись в Лондон, молодой купец прочно и навсегда осел там, не покидая больше Англию ни на один день. Зато сами Британские острова он избороздит потом вдоль и поперёк и будет знать их так хорошо, что на склоне лет напишет трёхтомную книгу «Путешествие по всему острову Великобритании», которая станет первым путеводителем по стране.

Итак, в 1683 году двадцатитрёхлетний Даниель Фо обосновался в самом оживлённом квартале лондонского Сити, как исстари называется деловой центр британской столицы. Главным занятием Даниеля была торговля галантереей и шляпами. Он любил вести в торговле большую и часто весьма рискованную игру. Точно так же будет вести себя Дефо и в политике, в которую он, наряду с коммерцией, вскоре уйдёт с головой.

Осев в своей лавке перед входом в улочку Чэндж-Элли, Даниель любил поддерживать за собой репутацию не только добропорядочного коммерсанта, но и острослова, знатока литературы, писателя.

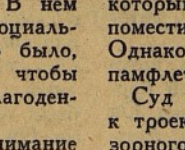
В 1691 году Дефо сделал первую пробу своего пера — острого и бойкого, которое принесёт ему в дальнейшем сотни триумфов и тысячи неприятностей: он написал несколько стихотворных сатир на злобу дня... Но прежде чем публика обратила внимание на новоявленного купца-литератора, купцу-коммерсанту при-

шлось пережить банкротство. Придавленный многочисленными неблагоприятными обстоятельствами, он не в состоянии был рассчитаться со всеми кредиторами, которые вдруг потребовали возврата выданных ему денежных сумм.

В ту эпоху банкротов карали очень сурово. И вот Дефо, как все неоплатные должники того времени, взял да и скрылся в квартале монетного двора. Там он сразу угодил в общество самых отъявленных мошенников и разбойников с большой дороги. Однако бандитский притон пришёлся ему не по душе, вызвав ужас и отвращение. Как только представилась возможность, Дефо тайно бежал в Бристоль и скрывался там в течение многих недель, выходя подышать свежим воздухом на улицу лишь по вечерам.

Тем временем жене Дефо и его друзьям удалось кое-как уладить дело, и, вернувшись в Лондон, он снова с головой ушёл в коммерцию и... писательство. «Опыт некоторых проектов» — так назывался первый крупный труд, изданный Дефо. В нём шла речь о политических и социальных реформах, которые надо было, по мнению Дефо, провести, чтобы сделать Англию сильной и благоденствующей.

Трактат обратил на себя внимание королевского двора и правительства. Дефо был щедро вознаграждён. Он сумел собрать достаточный капитал и построил недалеко от Лондона черепично-кирпичный завод, который начал приносить немалые доходы. Одновременно Дефо возглавлял королевскую комиссию по взиманию налога на стекло, был управляющим и контролёром королевских лотерей, вёл самую оживлённую торговлю тканями и вином, писал сатирические памфлеты и сатиры в стихах на злободневные темы, издавая их, как тогда было принято, анонимно, то есть без указания имени автора.



Слава удачливого предпринимателя стала дополняться всё более шумной славой писателя-сатирика.

Необычайный переполох наделал памфлет Дефо, метко разивший господствовавшую в стране англиканскую церковь и её высшее духовенство. Правительство королевы Анны, занявшей престол после смерти Вильгельма Оранского, отдало приказ об аресте Дефо, «виновного в преступлениях и проступках чрезвычайной важности».

Пришлось неугомонному купцу-памфлетисту вновь бежать, но теперь уже не от кредиторов, а от суда. Он опять укрылся в одном из многочисленных убежищ, которые предоставляло лондонское Сити преступникам, разыскиваемым полицией. О его местонахождении знала только жена. Тем временем «Лондонская газета» предложила пятьдесят фунтов стерлингов тому, кто выдаст властям Даниеля Дефо, и описывала приметы преступника. Парламент объявил его памфлет бунтарским, и он был сожжен рукой палача.

Пять месяцев прятался Дефо, но в конце концов нашёлся доносчик, который выдал его. Даниеля Дефо поместили в Ньюгетскую тюрьму. Однако и здесь он продолжал писать памфлеты и пересылал их издателям.

Суд приговорил Дефо к штрафу, к троекратному выставлению у позорного столба на площади и к заключению в Ньюгете, «доколе это будет угодно королеве».

29 июля 1703 года в сопровождении гвардии памфлетист был доставлен к позорному столбу на площади перед королевской биржей. Столб находился на помосте. В верхней его части имелась колодка с отверстиями для головы и рук. Дефо был привязан к столбу.

Однако он не производил впечатления несчастного осуждённого, — это был скорее победитель, вдоволь посмеявшийся над власть имущими, над теми, кто хотел затормозить развитие общества. Уже в тюрьме, незадолго перед этим, Дефо написал «Гимн позорному столбу», который его друзья отпечатали и распространили среди лондонцев.

В своём «Гимне» Дефо заявлял, что его осудили несправедливо, что люди, приговорившие его к позорному наказанию, бесчестны. Они мстили ему за смелость, за то, что он восстал против несправедливости...

Эта стихотворная сатира, как и всё поведение Дефо, имела большое общественное значение в борьбе за свободу мысли.

Осуждённого выставляли у столба ещё дважды — 30 и 31 июля. Но церемония, которая, по замыслу церковников, должна была навсегда осрамить и вычеркнуть Дефо из общественной жизни, превратилась в его невиданный триумф.

Эшафот окружали тысячи лондонцев, которые, вместо грязи, тухлых яиц и гнилых огурцов, забрасывали Дефо цветами, а он улыбался им с высоты. На третий день приветствия и овации превратились в настоящее буйство. Ещё до прибытия Даниеля на площадь, позорный столб был украшен зеленью. Во время казни непрерывно раздавались приветственные возгласы в его честь и брань в адрес правительства, поступившего так несправедливо. По толпе гуляли жбаны с вином. Став на одно колено, лондонцы пили за здоровье Дефо и посрамляли его врагов. Со всех сторон ему протягивали оловянные кувшины, полные вина или пива, ему бросали венки из цветов...

Так Дефо доказал правительству королевы Анны, что перо сильнее кнута.

Он доказывал это потом ещё не раз, доказывал всем своим современникам, друзьям и врагам.

Выйдя из тюрьмы через пять месяцев, Дефо снова окунулся в бурный поток самой разнообразной деятельности, как всегда захватившей его без остатка: коммерция со всеми её бесчисленными хитросплетениями, выполнение тайных заданий правительства в качестве агента политической разведки, что было связано с постоянными разъездами по стране и необходимостью играть разные роли, нередко с риском для жизни, писание памфлетов, поэм, фантастических сатир, очерков, больших книг-трактатов по самым различным вопросам.

К этому ещё добавилась журналистика. Дефо начал издавать газету «Обозрение», которая выходила три раза в неделю на четырёх страницах небольшого формата. Всю газету Дефо писал сам, один; даже когда он находился в отъезде, газета продолжала выходить, поскольку Дефо, где бы он ни был, посылал своему типографу материал для очередных номеров.

Энергия и трудоспособность Дефо поистине поразительны. Над ним снова не раз нависала то та, то другая угроза — банкротства, ареста, тюрьмы или убийства из-за угла, но он никогда не терял присутствия духа, мужества и уверенности. Доводилось вступать ему и врукопашную, драться на шпагах...

Дефо было уже под шестьдесят, когда он, отойдя от политических дел и уединившись в тихом лондонском пригороде Сток-Ньюингтоне, решил написать книгу о жизни одинокого путешественника на пустынном острове. Что натолкнуло его на эту мысль?

В то время в Англии уже широко была известна история шотландского моряка Александра Селькирка, который за ссору с капитаном корабля был высажен и оставлен на необитаемом острове Хуан Фернандес в Тихом океане, приблизительно в семистах километрах от берегов Чили. Там он провёл почти четыре с половиной года в полном одиночестве и дошёл до дикого состояния, потеряв дар речи. Его спас и доставил в Англию капитан Роджерс, совершавший кругосветное плавание в 1709 году.

Весть о приключениях Селькирка быстро разлетелась по стране. О них написал в своём сочинении «Путешествие на корабле вокруг света» сам капитан Вудс Роджерс, им посвятил свою книгу и другой мореплаватель — капитан Эдвард Кук. Краткий очерк о судьбе Селькирка

в журнале «Англичанин» поместил писатель Ричард Стиль.

Хорошо были известны также другие истории моряков, попавших в необычные ситуации. Есть предположение, что и Дефо встречался с Селькирком. Но тогда Дефо был столь загружен всякими делами, что ему было не до приключений матроса. Он вспомнил о них позже, когда отошёл от активной общественной жизни и у него появилось свободное время, а кроме того, необходимость заработать на приданое дочерям.

Дефо взялся за перо. Прежде всего он, разумеется, придумал заголовок — длинный-предлинный, но зато весьма привлекательный: «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим».

Чтобы никто не мог обвинить его в том, что он просто пересказал приключения Александра Селькирка, Дефо не только перенёс необитаемый остров с Тихого океана в Атлантический, в устье Ориноко, не только населил окрестные тропические острова, наряду с каннибалами, также... пингвинами и тюленями, но и перенёс действие на полстолетия раньше, в XVII век.

Издатель, которому Дефо показал заголовок, почуял выгоду и заказал ему книгу на предложенный сюжет приблизительно в 350 страниц.

Дефо писал «Робинзона» с невиданной быстротой и завершил его в несколько недель. 25 апреля 1719 года книга вышла в свет. И была раскуплена молниеносно. Она имела колоссальный успех, тем более что многие принимали автобиографические мемуары Робинзона Крузо за чистую монету: ведь имя подлинного автора нигде не значилось.

Воодушевлённый успехом, Дефо за три месяца написал продолжение приключений Робинзона — о его возвращении на остров, о путешествии на Мадагаскар, в Индию, Китай и о переходе из Пекина в Архангельск. Уже 20 августа того же 1719 года второй том поступил в продажу. Он был тоже встречен читателями с восторгом. И только третий том, появившийся в свет год спустя, скучный и нравоучительный, успеха не имел.

За свою долгую жизнь Дефо создал почти четыреста произведений, в том числе много и толстых романов, написанных вслед за «Робинзоном». Но лишь «Робинзону Крузо» суждено было обессмертить его имя, хотя сам Дефо этого и не подозревал.

«Приключениями Робинзона», переведёнными на многие языки, восхищались писатели и поэты, юные и взрослые читатели XVIII и XIX веков. Их высоко оценивали в своих трудах Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Впервые изданная на русском языке в 1762 году, книга Дефо уже более двухсот лет является добрым спутником и наших соотечественников.

Невозможно представить себе мировую литературу без «Робинзона», как невозможно представить человека, который бы ещё в детстве не прочёл бессмертную книгу о приключениях Робинзона Крузо.

Вл. САШОНКО

Рис. А. Курушина

Ю. СТЕПАНОВ

Рисунки Г. Ясинского

Ленивый Хомячок

Хомячок был ленив, но прозвище «ленивый» ему не нравилось.

«Что бы такое сделать, чтобы «ленивым» не звали?» — думал Хомячок. И придумал.

Пошёл он в поле, ровное-ровное, без единого кустика, и вбил посреди поля кол.

Кол отовсюду виден, звери к нему бегут, узнать хотят: что это такое?

А на колу написано: «Этот кол забил Хомячок».

И пошло по лесу:

— Вы видели? Хомячок кол забил.

— Ай да Хомячок, ну умница, ну молодец!

Узнал о коле Медведь. Обидно ему стало, что не он этот кол забил. Взял Медведь и врыл в поле бревно.

Но о бревне никто не обмолвился.

Тогда Медведь вырвал кол Хомячка и забросил его в лес.

Но и это не помогло.

Хомячок больше ничего не делал, но «ленивым» его больше никто не звал. А звали его «Хомячок, который забил кол».

На пустом месте хоть кол вбей — работа видна.

Ленивый пальцем шевельнёт — уже чудо.

Подвёл характер

Лиса попала в капкан.

Дела плохи: придёт охотник, и быть Лисе воротником!

Мимо пробегала Мышка.

— Мышка, выручи, век помнить буду! — взмолилась Лиса.

— А ты меня не съешь?

— Не до еды мне, сама видишь.

Мышка подбежала к Лисе — и Лиса её съела.

«Я, кажется, съела Мышку, — испугалась она. — Что же мне теперь делать?»

На счастье мимо пробегал Хомячок.

— Хомячок, вкусненький, помоги! Я тебе пригожусь.

Хомячок стал освобождать Лису, а Лиса хвать его за горло! Опомнилась, а Хомячок уже не дышит.

Заплакала Лиса, ругает свой невыносимый характер:

— Ну, что́ бы подождать с минуту! Ведь можно съесть, когда освободят.

Слышит Лиса: охотник идёт с собакой. Забилась она, завыла:

— Хоть кто-нибудь, спасите! Никого больше не трону, соломой буду питаться...

Услыхал это Заяц, жалко ему стало Лису: живая душа пропадает! Подбежал Заяц к Лисе, стал возиться с капканом. Чувствует Лиса, как невыносимо пахнет зайчатиной.

— Скоро ты? — кричит она.

— Сейчас, — говорит Заяц. — Потерпи немного.

«У Зайца уши длинные; если кусочек откусить, ещё много останется», — подумала Лиса — и хвать Зайца за уши!

Заяц прыг — и был таков. Тут охотник подошёл, и рыжую — в мешок.

Комариный страх

Однажды на комариной кочке собрались комары.

Пищали о том, о сём.

— А знаете... — сказал Комар с коротким носом. — У нас в лесу появился Комар ростом с Стрекозу. И говорят, гроза комаров.

Комары ахнули.

— Старо, — сказал Комар с длинным носом. — Этот Комар уже ростом с Сову.

Комары ахнули ещё сильней.

— Я вижу, что имею дело с невеждами, — сказал Комар с очень длинным носом, — я только утром видел этого Комара, и ростом он не меньше Медведя.

Никто и не пискнул.

Стало тихо. Было слышно, как пролетает мимо муха.

— Пропали мы! — вдруг пискнул маленький Комарик, и все заметили, как задрожал Комар с коротким носом, как задрожал Комар с длинным носом и Комар с очень длинным носом. Тут и все комары задрожали и стали поглядывать на небо.

В этот момент чёрная тень накрыла кочку.

— Это он! — пискнул Комар с коротким носом.

— Спасайся! — пискнул Комар с длинным носом, а Комар с очень длинным носом ничего не успел пискнуть, и все комары умерли со страха.

Всё стихло, а на кочку опустился кленовый лист.

По старой памяти

Волк догнал Зайца.

Закрыл Заяц глаза, ждёт, когда его есть будут.

— Ну, — говорит Заяц, — ешь!

А Волк не ест.

— Ты что? — возмутился Заяц. — Это не по правилам.

— Не могу, — говорит Волк, — ведь я не настоящий. Я из зоологического музея.

— А я тоже из музея, — засмеялся Заяц, — и тебя знаю, ты раньше у дверей стоял.

— Точно, — говорит Волк, — у дверей. Кто ни пройдёт, всякий норовит в пасть сунуть палец или, того хуже, трость.

— А меня дёргали за хвостик и щёлкали по носу. Другой раз видишь: идёт такой серьёзный и важ-

ный человек. Только успокоишься — а он — цап за хвостик. Потом посмотрит в глаза, обзовёт косым и щёлкнет по носу. Даже в горле кисло сделается.

— Зачем же ты, косой, убегал от меня, если ты из зоологического? — спросил Волк.

— Так, по старой памяти, — засмеялся Заяц.

— Эх, дружище! — сказал Волк.— С каким бы удовольствием я тебя сейчас съел. Вот, бывало, догонишь зайца... — И Волк заплакал.

Заяц вытащил из разодранного бока вату и стал вытирать Волку слёзы.

В. СОСНОРА

Сколько птиц на букву «С»?

Сколько птиц на букву «С»?
Птица первая: СКВОРЕЦ.
Остальные птицы:
СТРАУС —
раз!
СОЛОВЕЙ и СОВА —
раз и два!
СВИРИСТЕЛЬ, СИНИЦА,
СТРИЖ —
три и три!
Три и три — это шесть!
И ещё другие есть.
Любит сад и солнце СЛАВКА,
по лесам летает СОЙКА,
крошечный кораблик — САВКА,
самолётик с клювом — СОКОЛ,
с колокольчиком — СОРОКА,
СИРИН — серенький совёнок,
а СНЕГИРЬ играет трель
под названьем «гингриттерль»!
Сколько получилось?
Семь!
Шесть и семь — тринадцать,

Сосчитали?
Не совсем!
Надо постараться!
Хорошо мы птиц считали,
но одну не сосчитали?
Кто же это, наконец?
. . . . . .
Птица первая: СКВОРЕЦ.

Рис. Г. Моисеевой

...грецкий орех и абрикос могут расти и созревать под Ленинградом? Акклиматизации этих теплолюбивых растений добились учёные Ботанического института имени В. Л. Комарова. Южане смогут переносить температуру до минус 38 градусов.

★

...первая в мире школа для... кенгуру открыта в Мельбурне (Австралия)? Выпускники школы умеют нянчить маленьких детей, играть с ними в футбол. Некоторые даже умеют подстригать машинкой газоны.

★

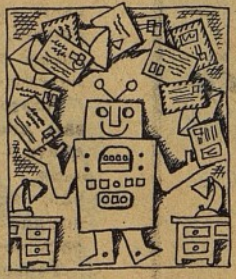
...уровень Чёрного моря непрерывно колеблется? Как определили румынские учёные, это колебание доходит до 169 сантиметров. Наибольшее влияние на уровень воды оказывают ветры. При 12-балльном ветре, дующем с северо-востока, уровень воды может подняться на метр. А вот приливы и отливы заметного колебания на уровень Чёрного моря не оказывают.

★

...в прибрежных пустынях юго-западной Африки растёт вельвигия удивительная? Её ствол имеет в поперечнике более метра, а над поверхностью почвы она едва возвышается. За всю свою жизнь, а её возраст доходит до 1000 лет, вельвигия удосуживается отрастить только два-три листа.

★

...ежесуточно работники почты нашего города обрабатывают свыше двух миллионов писем, 70 тысяч бандеролей и посылок, более 40 тысяч телеграмм и около трёх миллионов экземпляров газет и журналов? Большую помощь им в работе оказывают машины, сортирующие до четырёх тысяч писем в час. Для обработки переводов ленинградцы впервые в стране внедрили комплекс машин системы «Онега».



★

...кошки видят в темноте? Глаз у них устроен особым образом. Сноп лучей света, проходя через роговицу и хрусталик, фиксируется на внутренней поверхности глаза. Эта поверхность играет роль рефлектора (зеркальца). Отражаясь от неё, световые лучи направляются обратно тонким пучком, являясь как бы маленьким прожектором, созданным природой. Они-то и помогают кошке видеть ночью.

★

...каждая четвёртая книга, издаваемая на нашей планете, — советская? В прошедшем году в нашей стране издано 75 699 книг и брошюр, тиражом более одного миллиарда 330 миллионов экземпляров, на всех языках народов Советского Союза и 38 языках народов зарубежных стран.

★

...японские учёные разрабатывают вариант поезда-ракеты? Они уже провели успешные испытания его модели на 600-метровом участке пути, неподалёку от города Нагоя. Он приводится в движение ракетной тягой. «Поезд» развил скорость до 2430 километров в час. Расстояние от Токио до Осака — 500 километров — он будет покрывать за 12—15 минут.

★

...воды, омывающие Бразилию, богаты рыбой? В Рио-де-Жанейро ежегодно проводятся всемирные чемпионаты рыболовов-любителей. В нынешнем году зафиксирован редкий случай—25 участников чемпионата за один день выловили 350 килограммов рыбы.

★

...первый филателист жил в... 2575 году до нашей эры? Это был египетский фараон Аменоптис. Он повелел открыть почтовые конторы на дорогах, ведущих в Ливию, Аравию и Эфиопию. В этих конторах на письма — папирусные свитки — ставили штемпеля, подтверждающие место отправки. В его саркофаге нашли коллекцию из 186 таких свитков со штемпелями.

КАРТИНЫ НА КАМНЕ

В небольшом ферганском посёлке Охна обнаружена редчайшая каменная галерея живописи древних людей. Первобытные художники не зря облюбовали это место, — выступающая над поверхностью земли гладкая скала оказалась идеальным «холстом» для воплощения их творческих замыслов.

Вся каменная стена испещрена рисунками. Часть из них уже стёрта временем, но многие сохранились довольно хорошо. Рисунки передают различные сценки из жизни древних обитателей Ферганской долины, поражают реалистичностью сюжетов.

Учёные определили, что картинная галерея создана в первом тысячелетии до нашей эры. Это самые древние наскальные изображения, открытые в Узбекистане.

Отдел ведёт Вадим Акентьев

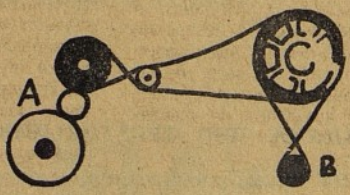
К вам просьба

То, что вы, друзья, любите решать разные «головоломные» задачи, мы знаем. А какие из них вам нравятся больше! Вот задача! Не для вас — для нас задача: для «Клуба смекалистых ребят». Сидим и гадаем... Но без вашей помощи нам её всё равно не решить.

Поэтому и надумали мы задать вам двенадцать задач. Одиннадцать — обычных, «головоломных». А двенадцатая — особенная. Напишите нам, какая из предложенных задач понравилась вам больше всего.

Только обязательно напишите! Это для нас очень важно. Изучим мы все ответы — и будем давать чаще всего именно те задачи, которые вам нравятся.

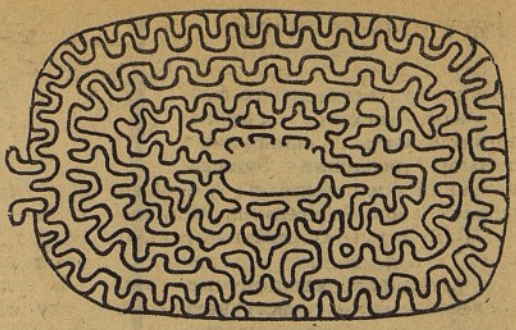
В КАКУЮ СТОРОНУ ВРАЩАЕТСЯ?



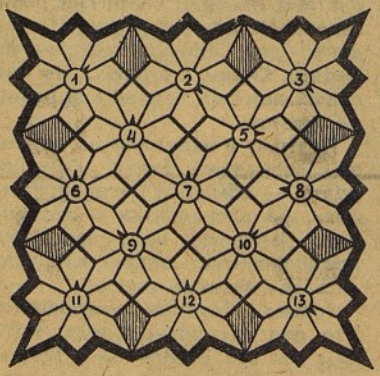
Рассмотрите внимательно наш рисунок и постарайтесь сообразить, в какую сторону вращается вал *A* (по часовой стрелке или против)? Ведущий в системе — вал *B*.

ЛАБИРИНТ

Найдите путь к центру лабиринта.



ЦИКЛОКРОССВОРД

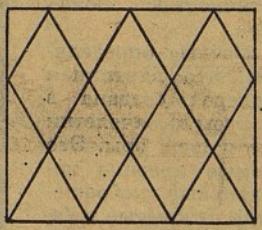


Все слова этого кроссворда — из восьми букв, читаются они вокруг соответствующей цифры по часовой стрелке, начиная с клетки, отмеченной указкой.

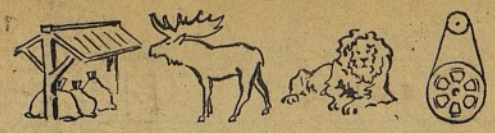
1. Заводская печь для плавления чугуна. 2. Опера Верди. 3. Спортивная игра с мячом. 4. Метательное оружие аборигенов Австралии. 5. Ядовитый паук. 6. Узкая и лёгкая спортивная лодка (чаще одноместная с двухлопастным веслом). 7. Создатель Медного всадника. 8. Инструмент для выверки горизонтальных направлений. 9. Одногорбый «быстроходный» верблюд. 10. Паразитные чёрные рожки на завязи ржи, придающие муке ядовитые свойства. 11. Первый ярус балконов над партером в зрительном зале. 12. Время, в течение которого объектив фотоаппарата при съёмке остается открытым. 13. Способность измерять расстояния простым зрением, без измерения приборами.

ЗАДАЧА ПРО ТРЕУГОЛЬНИКИ

На нашем рисунке можно насчитать 15 треугольников. Подумайте, как следует провести ещё две прямые линии, чтобы число треугольников возросло до 32?



РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО

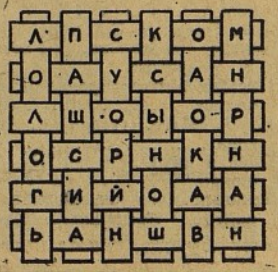


Перед вами—особая разновидность ребусов. Чтобы разгадать такой ребус, нужно принимать во внимание **только согласные** буквы названий рисунков. Так, вместо первого слова «навес» вы запишете: Н В С, вместо «лось» — только Л и С и т. д.

В результате вы получите ряд согласных букв, между которыми вам самим нужно будет вписать какие-то гласные (а также, если нужно, й, ь, ъ), чтобы получить текст, обусловленный в задании.

В нашем случае у вас должна получиться пословица.

ПЛЕТЁНКА



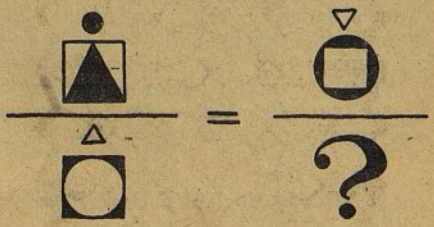
На двенадцати полосках написали фамилии писателей и поэтов, а затем полоски переплели «салфеточкой», отчего часть букв «спряталась»...

Сумеете вы установить, какие фамилии были написаны на полосках?

Рассматривая рисунок, легко сообразить, что все фамилии — из шести букв.

«ОТНОШЕНИЯ» и «ПРОПОРЦИИ»

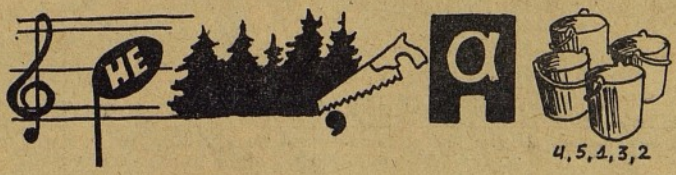
Сообразите, какой рисунок нужно поставить на место вопросительного знака?



ХИТРЫЙ РЕБУС

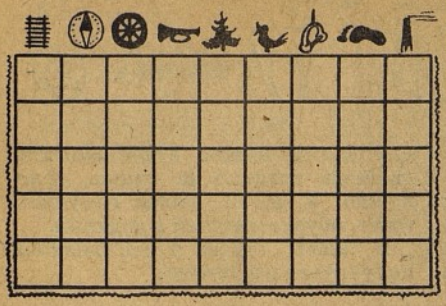
В этом маленьком ребусе зашифровано всего одно слово, но разгадать ребус не так-то легко, — недаром он назван хитрым!..

РЕБУС



Разгадав этот ребус, вы прочтёте пословицу.

ЗНАЧКИ-ПОДСКАЗКИ



Дано девять слов: **карта, вагон, отбой, спица, смола, трель, завод, тропа, седло.**

Каждому из этих слов в какой-то мере соответствует один из девяти значков, которые вы видите на рисунке. Это значки-подсказки, — они помогут вам для каждого слова найти вертикальный клеточный ряд.

Вписав все слова в клетки фигуры, в одной из её горизонталей вы прочтёте фамилию великого русского писателя.

ЗАДАЧА О ДВУХ ЧИСЛАХ

Даны два числа — *А* и *Б*.

Известно, что:

1) *А* меньше *Б*.

2) Делителем одного из этих чисел является число 4.

3) *Б* — число чётное.

4) Разность данных чисел равна 1.

5) Делителем второго из данных чисел является 3.

6) Сумма заданных чисел меньше 100 и делится на 11.

Какие числа были задуманы?

Содержание

Он поверил в Россию. Стихотворение С. Макарова и Г. Супруненко 1
Водитель ленинского броневика. Очерк Н. Теребинской . 2
Слова под микроскопом. Литературные миниатюры А. Щибаева 5
Ищи себя, Громов. Продолжение повести Сергея Вольфа 8
Путешествие по стране «Октябрь». Рассказы Н. Сладкова 21
Лия. Очерк Д. Богдановой . . 26
Плитка шоколада. Рассказ Б. Раевского 36
Письмо. Стихотворение Л. Мочалова 45
Клуб «МИ». Очерк А. Клёнова 46
Перо и кнут. Статья Вл. Сашонко 53
Ленивый Хомячок. Подвёл характер. Комариный страх. По старой памяти. Сказки Ю. Степанова 57
Сколько птиц на букву «с»? Стихотворение В. Сосноры 59
Пёстрые заметки 60
Клуб смекалистых ребят . . 61

На **1-й странице** обложки рисунок художника Г. Ясинского **«Любитель книг».**

На **3-й странице** обложки фоторепортаж из ГДР **«Всюду учебный год».**

На **4-й странице** обложки рисунок художника П. Вискова **«В канун праздника».**

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 21/VIII 1969 г. Подписано к печати 17/X 1969 г. 4 печ. л. М-34737. Зак. 1256. Формат бумаги 70×108 1/16. Цена 10 коп. Тираж 74 000 экз.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Всюду учебный год...

САРАТОВ 43.56
ЯБЛОЧКОВА 2 ОБЛ.
ДЕТ. Б. КЕ ПУШКИНА
1.12 ИСК. 6